

Я пойду за тобой

СВЕТЛАНА
ЧЕРЕМУХИНА

Светлана Черемухина

Я пойду за тобой

«ИП Стрельбицкий»

Черемухина С.

Я пойду за тобой / С. Черемухина — «ИП Стрельбицкий»,

Можно ли купить любовь? И сколько это будет стоить? А взять силой? А если любовь при этом сильно сопротивляется? И что же делать, когда уважение и обожание жизненно необходимы? Проблема зависимости и подчинения не нова, и вопрос этот решали величайшие умы на протяжении многих веков, но мы не претендуем на их опыт и знания. Великие войны разражались для того, чтобы свергнуть это иго, а что делать простой скромной девушке, однажды попавшей в подобное положение?

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	16
ГЛАВА 4	20
ГЛАВА 5	25
ГЛАВА 6	33
ГЛАВА 7	39
ГЛАВА 8	44
ГЛАВА 9	50
ГЛАВА 10	56
ГЛАВА 11	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Светлана Черемухина Я ПОЙДУ ЗА ТОБОЙ

*Одинокой звездой освещая твой путь
Я пойду за тобой, как фонарик во тьме.
Как сестра милосердия буду лечить твое сердце,
Которое бьется во мне...*

ГЛАВА 1

Ветер бил в лицо, вышибая слезу, и Саша ежилась, втягивая шею в плечи, пытаясь поглубже закутаться в теплый вязаный шарф. Вот же дурочка – выщелкнулась без шапки, теперь мерзнет. И о чем только думала, собираясь на работу, хотя что тут говорить – по утрам она вообще не думает, ни о чём.

Дело в том, что у Саши никогда не бывает доброго утра. Начинается оно всегда одинаково – со страдания, когда звонит будильник, возвещая окончание ночных грез, и беспардонно вытаскивает ее в холодную реальность хмурого утра. Саше, слава небесам, никогда не снятся кошмары, а посему к таковым она относит свой каждодневный неизбежный подъем с постели. Помогает ей только развитое до невообразимых размеров чувство ответственности и сила воли, которой она и сдирает себя с простыней.

Собиралась она всегда на автомате, и включить мозг в такой час было выше ее сил. Это за нее обычно делал Федор. Он сообщал ей примерную температуру «за бортом» и рекомендовал определенную одежду. Сегодня же его не оказалось дома по причине «аврала» на работе, который он устранял со вчерашнего вечера, и Саша оказалась на улице одна, неподготовленная и беззащитная, один на один с приближающимся твердой поступью суровым ноябрем. Сейчас ветер безнаказанно трепал ее белые локоны, жег морозом щеки, а еще уверяют, что у природы нет плохой погоды. Хотя, была бы шапка на ушах – и переживать бы было не из-за чего.

Тяжелое небо давило на плечи, скрывая солнце за толстым слоем грязно-серых облаков и предвещая пасмурный день.

Саша наклонила голову и исподлобья обозревала двор, пока ветер гонял всякий сор, листья, обертки от сигаретных пачек, устраивая маленькие завихрения вокруг ее ботинок.

Девушку обгоняли такие же скукоженные от утреннего морозца прохожие, спеша укрыться в душных салонах троллейбусов и трамваев по пути на работу, и такая «выщелкнутая» она оказалась далеко не одна.

Стайка студенток пронеслась, обдав ее удушливым ароматом приторно-сладких духов. Уши заткнуты наушниками-капельками, на юных лицах яркий макияж, длинные тощие ножки втиснуты в ультра-узкие джинсы, и все как одна без головных уборов, с красными носами. Саша, должно быть, выглядит не лучше.

Молодая семейная пара выскочила из ближайшего подъезда у нее перед носом, таща упирающихся двойняшек в виднеющийся по правую руку детский сад, благо, что рядом. Папа – одного карапуза, мама – другого. Невообразимый ор малышни извещал всю округу о их несогласии с решением родителей по поводу раннего подъема.

С сочувствующей улыбкой Саша проводила беспокойное семейство, когда ее обогнала тетя Маша. Походкой уточки с бидоном наперевес она направлялась в соседний двор. Пенсионерка спешила на «слет старых дев», где у бочки со свежим молоком можно посплетничать о жизни с такими же кумушками и обсудить нравы нонешней молодежи.

А вон вышел... Так, только не смотреть в его сторону, только не смотреть. Саша поправила рюкзак, накинутый на одно плечо, демонстративно глаза на окна дома, мимо которого сейчас проходила, но что ей делать, если она все равно все видела.

Высокий поджарый мужчина неспешно обходил машину, попинывая колеса, в губах торчала сигарета, но руки из карманов он не спешил вынимать – холодно. На лице – как всегда – хмурая сосредоточенность, весь в себе, решает какие-то проблемы, кроссворды, задачки. Может, он просто такой по жизни, вечно всем недовольный и раздраженный? На все ему плевать.

На все, да не на все. Вот женщины его никогда не злят, с ними он преобразается, и если бы Саша попыталась рассказать им, каким видит их обожаемого «Олежека» по утрам в будние дни, они бы просто рассмеялись ей в лицо. У них у всех такой смех – нежный, томный, грудной. Отрепетированный. И все как одна – ухоженные и красивые. Роскошные женщины. Саша никогда такой не станет, даже если доживет до их лет.

А сколько им? Нет, они не старые, они – зрелые. Состоявшиеся, налившиеся своей красотой и проникшиеся своей значимостью, как старое выдержанное вино, ценность которого с годами только увеличивается.

Он как раз из таких ценителей. Ему не нужны молоденькие глупышки с ногами от ушей. Он не гонится за пятым размером груди и не пускает слюни вслед узкобедрым блондинкам.

Нет, все его женщины – отборные экспонаты в дорогой и редкой коллекции, собранной с любовью и старанием. Где он их только находит – таких красивых, уверенных, знающих себе цену?

Саша вздохнула. Ну вот, опять. Не хотела же смотреть на него, но куда бы она не поворачивала свою непутевую голову, на что бы не устремляла свой взгляд, она всегда видела его, всегда замечала. Она даже в городе, бредя по центру, могла безошибочно определить его машину в потоке иномарок, и разглядеть его сосредоточенное лицо за стеклом.

Где бы он ни появлялся, он всегда попадал в поле ее зрения. Хорошо хоть, что не преследует ее во сне. Еще чего не хватало.

Она давно миновала двор, оставив красивого хмурого типа наедине со своей машиной далеко позади, и уже вывернула на финишную прямую – асфальтированную дорожку, ведущую к забитой рабочим людом остановке – но в голове все еще витал его образ, как послевкусие от глотка вина, и не спешил покрываться дымкой и растворяться в суете мыслей. Губы как всегда сомкнуты, строгая складка вокруг них, взгляд холодный и колючий, и постоянное выражение ленивой безразличности. Злой, взъерошенный и опять небритый.

Саше не нравились небритые мужчины, но ему шло, это она признала сразу. Ему вообще шло все. Во что бы он ни был одет, в строгий костюм под дорогим кашемировым пальто, или в потертые синие джинсы с темным свитером крупной грубой вязки, он одинаково притягивал любопытные взоры, не только Сашин. И как бы ни смотрел он на этот мир, недовольно, с раздражением в серых глазах, когда собирался на работу или возвращался вечером усталый и замкнутый, или с улыбкой довольного кота, когда привозил к своему подъезду очередную женщину, он был хорош. Неспешно, преисполненный достоинства, он помогал очередной женщине выбраться из своего авто, подавая ей руку, широкую крепкую ладонь с длинными пальцами, наверняка теплую, и даже возможно немного влажную.

Саша, когда видела это, всегда облизывала пересохшие губы, испытывая необъяснимое волнение, как будто этот жест был очень личным и даже интимным. Она всегда при этом отводила глаза, будто подглядела за чем-то слишком откровенным, чтобы на это можно было вот так беспардонно глазеть.

Мужская ладонь как знак доверия и высочайшей милости, как подтверждение избранности той, к кому она была протянута. И женщины вкладывали в нее свои пальцы, часто украшенные золотыми кольцами и перстнями. Понимали ли они, что в этот момент их принимали, впускали в свою жизнь? Ненадолго, правда, всего на один раз, Саша это всегда отмечала, запоминая его избранниц и каждый раз видя новые лица, но все же...

Легкий женский смех, низкий тон его голоса, не разобрать, что он говорит, но по улыбке его спутницы можно догадаться – что-то приятное. Тонкий аромат духов, облако терпкого мужского парфюма, и вот пара скрывается в подъезде, с легкой трелью дверь захлопывается, и если немного подождать, то можно увидеть, как через пару минут вспыхнет свет в окне на третьем этаже.

Саша давно уже не ждала и на окна не смотрела. Лишь завидев черный Мерседес, выруливающий во двор из-за угла, она неслась домой, в свою квартиру, готовить Федору ужин, или бездумно таращиться в телевизор, или читать какую-нибудь книжку, не видя ни строчки, ни буквы в ней.

Стоило ей подойти к окну и выглянуть во двор, она тут же впивалась взглядом в его окно, и по тому, закрыты ли уже гардины, могла определить, на какой стадии сейчас свидание.

Подумать только, он примерно одного возраста с Федором, но какие они разные. Федя тоже красив, этого у него не отнять, что он, что мама – тонкие правильные черты лица, в какой-то мере даже женственные. Но Федор серьезен и строг, он вообще моралист. Видимо, так и умрет бобылем, не познав радости семейной жизни и вообще женских прелестей, но в целом он не создает впечатления несчастного человека. Цену себе знает, уважение имеет, от комплексов не страдает.

Саша жила у родственника уже шестой год и ни разу не пожалела об этом. Пусть мать жалеет, но, похоже, этого никогда не произойдет. Пока с ней Макс, она будет пьяна и глупа, доверчива и наивна. А когда придет отрезвление – ей понадобится помощь психолога, в этом Саша не сомневалась: она-то знала такой тип мерзавцев и видела Макса насквозь.

* * *

Как же хорошо с мороза попасть в свой уютный светлый кабинет с большими окнами, красивой мебелью и такими удобными креслами!

Рабочее утро, как всегда, началось с чая. Обхватив горячую чашку обеими ладонями, Саша блаженно улыбалась, грея нос в тонкой струйке пара, поднимающегося с темной зыбкой поверхности. Что может быть лучше – оставить за тяжелой дверью этот бешеный ветер и ледяное дыхание осени и обрести, наконец, покой, попав в иное измерение, где всегда царит мир и гармония.

Можно помечтать или подремать – никто мешать не будет. Саша любила это время: день еще не вступил в свои права, рабочая суета еще не завлекла в свой водоворот, все девчонки немного сонные и заторможенные, и никто не отвлекает тебя разговорами. Потом, все будет потом, а эти минуты – только ее.

Тихое жужжание коллег не отвлекало, создавая приятный фон для собственных мыслей. Девчонки кто красился, кто, догонялся бутербродами и йогуртом, как Лиля, которая всегда и везде опаздывала и ничего не успевала, во сколько бы она ни поднялась и не вышла из дому. Вскоре запахло кофе – это Лида как всегда, заварила себе ударную чашку крепчайшего, чтобы «торкнуло», как она всегда говорила.

Саша любила чай, без сахара и бутербродов, просто смакуя терпкий крепкий напиток. За это ее дразнили, не зло, без издевок (в их отделе вообще были запрещены ссоры и грубость: спасибо Марине, не терпящей никаких стерв кроме себя, о чем она предупредила всех и каждую), и называли англичанкой.

Это было символично, тем более, что их босс на самом деле был настоящим англичанином, породистым аристократом с корнями, уходящими в глубокую старину, и все работники ООО «Эйч Ви Корпорейтед» за глаза звали его Графом.

Саше нравился ее начальник. Она уважала таких людей – они умели работать и ценили это качество в других. Своих подчиненных Граф никогда не обижал, всегда умел заметить их старание, даже если результат был невелик и незначителен. Бесконечно деликатный и внимательный мужчина. Гхм, человек.

К нему в кабинет Саша попадала не часто. Когда ему требовались различные отчеты, графики погашения платежей или какая-нибудь статистика, к нему отправлялась Марина,

предварительно подкрасив губы, поправив прическу, и без того безупречную, и одернув свой костюм или платье. На Сашины плечи эта Почетная Обязанность (именно так, с большой буквы – как и обо всем, что имело отношение к Графу) ложилась, когда Марина отбывала в командировку в область. Старший экономист компании объезжала владения Графа, собирала информацию и данные для обработки, чтобы ее отдел мог выдать ему новые отчеты, стратегией развития и перспективы на будущее.

Никто не знал, почему Граф остался в их городе, открыв свою фирму по экспорту медицинского оборудования, будучи иностранцем и имея стабильный доход. Может, город понравился, а может, не нашел еще достойного заместителя, на которого мог бы оставить свое детище, но это радовало всю женскую половину фирмы.

Все поголовно были в него влюблены. Кто – самозабвенно и страстно, кто – в полсилы и отчасти, совсем чуть-чуть, но провести с ним ночь не отказалась бы пожалуй, ни одна из них. Даже Саша колебалась. Так ей казалось всякий раз, когда она входила в его владения, ступая на гладкий ковер.

Выдержанный в светло-бежевых тонах, кабинет был огромен, и черного дерева мебель в нем контрастировала со светлыми стенами и огромным окном без занавесей и жалюзи. Большой мир заглядывал в это окно, небоскребы напротив и бесконечное небо.

Саше нравился и кабинет и его хозяин. Когда она попадала сюда – забывалось все, что существовало по другую сторону двери, и даже все привязанности и интересы. Хотелось смотреть в эти глаза цвета янтаря и слушать этот мягкий вкрадчивый голос с легким акцентом, с годами все больше стирающимся и становящимся незаметным.

Роберт Стивенсон – по документам, удостоверяющим личность, Граф – в просторечии, в свои сорок два выглядел блестяще. Безупречные манеры, природная мягкость и интеллигентность без труда позволяли ему становиться любимцем в любом обществе, куда он только попадал благодаря своим капиталам и связям, а яркая внешность – заводить страстные романы с первыми красавицами города, но в чем ему нельзя было отказать – это в чистоплотности. На работе он был только боссом, и ни одной из его подчиненных не светило быть приглашенной после рабочего дня в ресторан или на чашечку кофе в его особняк в центре города.

Он редко удостаивал работников своим вниманием в их отделах, предпочитая вызывать к себе, но в экономический заходил уже три раза на этой неделе, и все во время отсутствия Сашиной начальницы Марины.

Саша понимала, что ему просто понадобились какие-то цифры, и он все равно был неподалеку, проходил мимо и решил заскочить самолично, ведь не бог же он в самом деле, и вполне нормально может общаться с простыми смертными на их территории, тем более, что на комфорте и удобстве своих работников никогда не экономил и в любой кабинет было приятно зайти, но каждый раз после его ухода Сашины соседки смотрели на нее так странно и пристально, что бедная девушка сама чувствовала, как румянец во всю щеку проступал на ее смущенном лице.

Что-то во взгляде Графа и его тоне неуловимо давало понять всем присутствующим, что Саша – девушка особенная, и Граф это уже заметил и оценил. Как это у него получалось – было не понятно, он не выделял ее особо, но всякий раз ловя на себе его пристальный задумчивый взгляд, Саша отводила глаза и на мгновение терялась, забывая, что только что хотела сказать. Этот человек волновал ее все больше и больше.

Сегодня Граф зашел опять, с самого утра. Принес какой-то цветок в большом глиняном горшке, пояснил, что в приемной он гибнет, окна там выходят на северную сторону и его секретарша плачет от бессилия что-либо изменить, а тут ему будет в самый раз. И спросил у Саши, куда его можно пристроить.

Спрятав чашку с недопитым чаем за монитор еще не включенного компьютера, Саша дрожащей рукой указала широким жестом на окно, предоставляя боссу право самому выбрать достойное место для цветка.

Когда тот был торжественно водружен, символически полит, и девушки услышали какую-то историю, настолько забавную, что Граф решил ею поделиться, а сам он уже удалился к себе, пожелав всем удачного дня, глаза всех присутствующих снова вопрошающе уставились на бедную Сашу.

– Ты понимаешь, что Маринка тебя уволит? – обратилась к ней Люда, высокая смуглая шатенка.

Саша изобразила на лице улыбку и беспечно пожала плечами.

– Да нет, девчонки, теперь точно не уволит, теперь наша Саша неприкосновенна, – оспорила такое предположение Лиля. Она накинула на плечи светлый палантин, так как сидела у окна, от которого ей всегда дуло, не смотря на то, что окно было пластиковым и щелей не имело по определению. Тем не менее, Лиля с завидной регулярностью меняла шали и платки, украшая ими свои покатые плечи.

– Да уж, она же теперь ответственная за Самый Главный Цветок, – поддержала такое мнение Иришка, самая младшая в дружном коллективе экономистов, самая маленькая, самая худенькая девушка с большими амбициями. – Граф же для нее его принес, вы что, не поняли?

Глаза присутствующих округлились, и легкий возглас наигранного удивления наполнил помещение.

– Да, я такая! – гордо заявила Саша, демонстративно набрав в грудь побольше воздуха и закатив глаза. Что ей еще оставалось делать – краснеть и мяться? Вот еще. Просто девчонкам надоело молча считать свои цифры, вот и решили позубоскалить. Сегодня жертвой стала она, кстати, с легкой руки Графа, ну и что. Завтра она на ком-нибудь другом отыграется, в первый раз что ли.

ГЛАВА 2

Проблема пришла оттуда, откуда не ждали, вернее... Вот права была Иза – как раз оттуда, откуда должна была прийти, оттуда и явилась, скаля противную морду и истекая слюной. Впрочем, как не ругайся, делу это не поможет, а положение надо срочно выправлять, но знать бы как! Полинку жалко: сказать ей правду – это ее убьет, не сказать ничего – как после этого себя уважать и продолжать считаться ее подругой? Эх, проблема...

Все произошло в магазине. Шила в мешке, как известно, не утаишь, и извлекли его из старой вонючей дерюги две молодые девицы, совершенно незнакомые Саше, но своим обликом дающие прямые наводки на то, кем они являются и какой образ жизни ведут. А шило-то оказалось ничем иным, как... «рабочим инструментом» одного человека, до сих пор вполне приятного и милого, по совместительству Полькиного мужа.

Тайное стало явным на подходе к кассе, когда Саша, затаренная продуктами для дома, услышала пренеприятнейший разговор этих девушек прямо у себя за спиной.

– Вон, видишь, девка стоит? – слышался шепот позади нее.

– Которая? Их там до кучи.

– Ну вон та, с древнерусской косой, и сама вся доисторическая такая, в красной курточке.

– Ну вижу теперь, и че?

– У нее муж знаешь, какой? Так трах@ся – закачаешься!

– Да ладно, а ты пробовала?

– А то, меня Ленка с ним познакомила недавно. Парень – класс. Без комплексов совсем.

Саша недовольно покосилась на любительниц секса без комплексов и даже демонстративно кашлянула. Две длинные клячи, обесцветившие свои тонкие волосы и полагающие, что искусству макияжа обучаться необязательно, без зазрения совести обсуждали чужую жизнь. Стоять и слушать этот бред ей не хотелось, тем более, что сама она с некоторых пор была лишена такого удовольствия, да и знать, что речь идет о чьем-то муже, а значит об измене, было неприятно.

Девушки не обратили на нее никакого внимания, и счастливица продолжила делиться своими впечатлениями от знакомства с «крутым самцом».

– Он такая лапочка и такой бесстыдник! Хочешь, я тебя с ним познакомлю? Не пожалеешь.

– Ой, а можно? – в голосе второй слышалась искренняя радость, и у Саши заныли зубы.

– Да ты че, он знаешь, какой неутомимый – его и на трех хватит. Одновременно!!! Проверено в полевых условиях.

– Вау! Машка, заметано, завтра, же, договорились? Сразу после пар, – продолжала восторгаться девица, которую пообещали приобщить к греховным утехам.

– Ну не знаю, он днем-то работает, я позвоню тебе, в общем.

– А жена?

– А что жена?

– Ну, эта. Она тоже в этом участвует?

– Ты дура что ли? Она даже не догадывается. Вон, видишь, невлашная, мечтает о чем-то, – на пару минут обе замолчали, изучая бедную девушку, не подозревающую о том, что она стала героиней этой грязной истории. – Уверена, она обалдеет, если узнает, – и обе захихикали.

Саша перевела взгляд на очередь в соседнюю кассу, куда были обращены взоры любвеобильных студенток, и похолодела.

В красной куртке, с «древнерусской» косой и вся такая «доисторическая» стояла Полина! Ее подруга детства. Задумчиво улыбалась чему-то, толкая перед собой тележку, нагруженную продуктами. У Сережки есть машина, но он всегда так занят, что его жене приходится самой бегать по магазинам и таскать тяжелые сумки, поесть-то он недуром.

Девчонки еще что-то говорили, про полюбившуюся технику и предпочтения «жеребца», а Саша хватала ртом воздух и молилась только об одном – чтобы Полина ее не увидела. Скрыть свое замешательство ей не удастся, а ситуация такова, что требует долгих размышлений и принятия единственно верного решения.

Поколебавшись с минуту, Саша рванула назад. Наступив обеим девицам на ноги, и не обращая внимания на их злобное шипение, понеслась в зал, закидывая тщательно отобранные продукты обратно на полки.

* * *

Иза уловила вибрацию телефона, но даже не подумала достать его из кармана длинного кожаного жакета. Какое-то время аппарат едва ощутимо щекотал ей бедро, но девушке было не до него. Кто бы ни звонил – он подождет, а тут такой кадр пропадает, и она не она будет, если не получит то, чего ей только что очень сильно захотелось.

Ее глаза блеснули в предвкушении игры, ведь это было такой же приятной частью обольщения, как и ее результат: мужчина в ее постели – это десерт, основное удовольствие – заполучить его, привлечь, обольстить и вскружить ему голову.

Она всегда теряла интерес к тем типам, которые сдавались без боя и сразу шли в атаку. Рука на ягодицы и хриплый голос на ухо: «Едем ко мне» – и парень автоматически становился аутсайдером и выбывал из гонки.

Нет, флирт – это игра для гурманов, это дело профессионалов, и деревенщине не место в высшей лиге.

Подруги не одобряли ее поведение и не разделяли такие взгляды на жизнь, но Полина была слишком воспитана, чтобы читать ей нотации, а Сашка – слишком умна, чтобы не понимать, что это бесполезно, и только в ее глазах Иза читала неодобрение, которое, впрочем, ее нисколько не смущало. Ничто не мешало им оставаться в хороших дружеских отношениях и по-прежнему доверять друг другу. Иза продолжала вести свой образ жизни, подруги продолжали ее любить и принимать такой, какая она есть.

– Горбатого могила исправит, – вздыхала Саша.

– Вот влюбится наша Изабелла Великолепная, и забудет про эти пляски-гулянки, – как всегда пыталась сгладить впечатление от Сашиной прямоты Полинка.

– Пьянки-гулянки, – щурила глаза в насмешливой улыбке Иза, нисколько не задетая замечаниями подруг.

– Одна фигня. Забудешь, когда станешь счастливой женой.

– Какие же вы скучные! – фигуристая брюнетка потягивалась, по-кошачьи выгибая спинку, и ерошила длинные густые волосы.

Она была хороша, прекрасно это знала и желала получать подтверждение этому каждый день.

Мужчин она делила на несколько категорий и относилась к ним соответственно. От того, насколько безошибочно она классифицирует их, определив местоположение в своей таблице, зависело, получит ли она то, чего желала. С представителем каждой категории красавица выстраивала свои особенные отношения и гордилась своими методами.

Одни мужчины были нужны ей для подтверждения собственного класса, уровня и значимости. Другие – интересны в игре, когда кто кого, хотя Иза знала, что проигравших не

будет, она слишком ценный приз, и для себя выбирала достойных партнеров. Третьи мужчины требовались для поддержания социального статуса и обеспечения.

Так год назад она получила в собственность отличную трехкомнатную квартиру в центре города от депутата, с которым прожила два года. Получив приглашение в Столицу, слуга народа решил, что «не стоит отправляться в Тулу со своим самоваром» и, сделав прощальный подарок своей любовнице, отбыл, так сказать, без «багажа».

Иза не долго тосковала в одиночестве, так как очень скоро обнаружила, что эти хоромы с видом на главную площадь города надо еще и содержать, оплачивая коммуналку, поэтому вскоре обзавелась другим обеспечителем. Им стал владелец сети стоматологических клиник, который успешно взял на себя ответственность за поддержание порядка в ее «апартаментах» и, соответственно, финансовую сторону.

После года совместной жизни, успешно продав свой бизнес, он также подался в Столицу.

И снова Иза получила утешительный приз, на этот раз – автомобиль. Девушка была безумно довольна новой игрушкой и вскоре гоняла по улицам города на красном Пежо, успешно сдав на права.

– Я мисс Удача, – говорила она подружкам, отмечая новое приобретение в кафе после того, как проводила своего протезиста навсегда. – Мужчины, прожившие со мной какое-то время, отправляются напрямик в Столицу, на новую высоту. Значит, я их путеводная звезда, я приношу им эту удачу.

– Угу, – угукала в свой бокал Саша. – Они-то отбывают туда, а ты остаешься здесь. Тебе-то что с того, что им так фартит?

– Глупая, – Иза сверкала ярко подведенными глазами из под идеальных дуг темных бровей. – А я при хате и бабках, да еще и с машинкой. О чем еще мечтать?

Саша лишь вздыхала, не желая спорить дальше. У нее был свой взгляд на происходящее, но Изу было не изменить, так что и говорить было не о чем.

Сейчас брюнетка волновалась так, как не волновалась, наверное, никогда в жизни, по крайней мере, такого она за собой не помнила. Просто она увидела Его, мужчину с большой буквы.

О, она всегда могла узнать настоящего мужчину, разглядеть в толпе, почуять власть и запах силы, исходящие от него. Такие люди встречаются редко, один на миллион, и она не могла упустить такой шанс, ей обязательно нужно заполучить его любой ценой.

Красивая брюнетка с дерзким взглядом, одиноко сидящая за столиком у окна, привлекала внимание, и многие мужчины в зале поглядывали на нее с нескрываемым интересом, но сегодня был не их день, Иза знала это определено точно.

Телефон снова завибрировал, и девушка недовольно поморщилась, капризная гримаска придавала ее лицу непередаваемое очарование. Звонить могли только Саша или Поля, ну может пара-тройка ребят, которым она недавно давала свой номер, так, для того чтобы присмотреться и пристрелиться, но сейчас это было не важно. Подождут.

Мужчина сидел в углу зала, в его затемненной части, в обществе двух пожилых джентльменов. Вероятно, это был деловой ужин – они неспешно о чем-то говорили, время от времени протягивая друг другу какие-то документы.

Спокойный, уверенный, с броской внешностью, он не мог остаться незамеченным, и Иза с немалой долей ревности наблюдала, как женщины и девушки бросали на него выразительные взгляды.

Он же, казалось, не замечал никого и, тем не менее, внимательно слушая своих визави и не забывая поглощать заказанный ужин, цепким взглядом обводил зал и Иза могла поклясться, что ему уже все понятно о ней и ее интересе, как известно и обо всех других красотках, томящихся в ожидании его внимания.

Улыбка время от времени появлялась на его лице, совершенно преображая и придавая некоторую мягкость чертам, но глаза оставались холодными и взгляд жестким, ничто не могло смягчить его.

Он сильный, такой не дрогнет и не перед кем не прогнется. К тому же чертовски красив. Куда до него толстопузому депутату или протезисту с писклявым голосом и вечно потными руками.

Он не был красив той правильной красотой, когда можно говорить о безупречности и гармоничности черт, но его лицо привлекало внимание и уже не отпускало. Губы, изогнутые в едва ироничной улыбке, уверенный взгляд цепких карих глаз, волнистые темные волосы и легкая едва проглядывающая щетина на квадратном подбородке.

Харизма, которой он обладал, казалось, наэлектризовала помещение до упора, и в воздухе искрило от напряжения.

Когда телефон завибрировал в третий раз, Иза выругалась себе под нос, не забывая при этом мило улыбаться, и полезла в карман, чтобы узнать, кто этот настырный абонент, не желающий понимать намеков и мешающий сейчас ей устраивать свою личную жизнь и прекрасное будущее.

Это оказалась Сашка, и раз уж она перезванивает после того, как ее недвусмысленно проигнорировали, значит, дело серьезное. Иза решила ответить.

– Алло, я вас слушаю, – произнесла она глубоким низким голосом, поднеся телефон к уху, предварительно отбросив волосы с плеча.

Краем глаза она уловила шевеление за заветным столиком. Шатен, в очередной раз пройдясь сканером внимательного взгляда по пространству, задержал пристальный взгляд на ней, и Иза приосанилась, картинно поведя хрупкими плечами.

– Изка, это я, ты чего трубку не берешь?

– Я сейчас немного занята, – промурлыкала девушка, демонстрируя свои зубки, талантливо подправленные бывшим любовником. Она, кстати, помогла и своим подружкам подлечить свои тридцать два с существенной скидкой, пока ее дантист практиковал в городе.

– У меня проблема, очень большая, и у Польки тоже. Вернее, только у нее, и я не знаю, как ей помочь. Ты мне срочно нужна!

– Сегодня не смогу встретиться. Давай завтра, – брюнетка достала сигарету и прикурила от золотой зажигалки, сувенира последнего виртуозного «игрока».

– Какое «завтра», ты что! И что мне делать сегодня? – возмутилась Саша. – Иза, ты не понимаешь, но дело очень, очень серьезное. Ты не представляешь, что произошло. Знаешь, Сережка...

Красотка не дала ей договорить, ее сейчас не интересовал никто вне стен этого ресторана, тем более какой-то неизвестный Сережка.

– Послушай, Сашенька, – перебила она, выдыхая в трубку облако сигаретного дыма, – у меня сейчас практически судьба решается, поэтому давай перенесем наш важный разговор на завтра, хорошо?

– У Польки тоже решается судьба, так что выслушай меня! – Сашу было не так-то просто остановить. Упорности и упертости ей было не занимать.

– Ну чего там у нее стряслось? – Иза заметила, как официант принес счет за столик ее брутала, тот жестом отменил желание своих спутников поучаствовать в его оплате и достал из внутреннего кармана пиджака портмоне.

– Ей муж изменяет, вот что, – выпалила Саша и голос ее дрогнул.

– Да ты что, – Иза сбросила пепел с сигареты в хрустальную пепельницу. – А я ведь говорила, предупреждала, что этим все закончится, но вы мне не верили, даже не слушали. Считали негодяжкой и завистницей.

– Да, да, да, ты оказалась права, или просто накаркала, – буркнула Саша. – И что делать-то теперь?

– Что-что, разводиться, – брюнетка даже плечами пожала – это же очевидно, о чем тут можно еще говорить. Официант как раз проходил мимо ее столика, и она попросила у него счет. – Слушай, Саш, я правда сейчас не могу говорить. Мне надо бежать, а завтра все конкретно обмозгуем, хорошо? Что-нибудь придумаем. Все, отдыхай.

– Но...

Девушка хотела что-то возразить, но Иза уже отключила трубку, внимательно следя за шатеном, пожимающим руки своим сотрапезникам.

ГЛАВА 3

Хотела бы Саша отложить все до утра, как посоветовала ей подруга. Иза вообще всю сознательную жизнь пыталась жить по принципу Скарлетт О'Харра – «Я не буду думать об этом сегодня, я подумаю об этом завтра». Она постоянно твердила подругам, что с проблемой надо «переспать», прежде чем начинать искать пути ее решения. На самом деле она просто ожидала, когда все разрешится само собой, или кто-то большой и богатый взвалит ее трудности себе на плечи, освободив, таким образом, ее, хрупкую и слабую, от непосильной ноши. И оказывалось, что переспать надо было всего-то с мужчиной, который и начинал заниматься ее проблемой.

Для Саши этот принцип не подходил. Видимо, ее проблемы не годились для могучих плеч настоящих мужчин, и все приходилось тащить на себе. У нее никогда не выходило отложить на завтра то, что мучило и заставляло внутренности трястись от волнения. Организм не подчинялся, здравый смысл изменял, и мозг постоянно работал, бился над задачей, искал единственно верное решение, лишая своего носителя покоя и сна.

Вот и эта проблема, возникшая на пустом месте из-за случайно подслушанного разговора, не просто приоткрыла перед Сашей завесу тайны в супермаркете в соседнем дворе, показавшись во всей своей неприглядности, но заявила к ней в дом буквально сразу после телефонного разговора.

Открыв дверь, Саша опешила, узрев на пороге квартиры собственно саму виновницу своих переживаний и беспокойств – Полину Медведеву.

Сияющая и умиротворенная, Полина стояла с большим пакетом в руках. В расстегнутой куртке, с яркими от ноябрьского мороза щеками, вьющиеся локоны выбились из косы. Вот и здравствуйте, вот и переспи тут с проблемой...

– Держи, это тебе, – улыбнулась она, шагнув в теплую прихожую и вручив пакет онемевшей подруге. Под руками перекатывалось что-то круглое. – Ты знаешь, а я ведь решила изменить свою жизнь, – поясняла она причину своего прихода, неторопливо расстегивая молнию на куртке. – Все, прямо сегодня начала все сначала. То есть по новой. Короче, теперь все будет иначе. Сажусь на диету, начинаю заниматься спортом, меняюсь внутренне... Нет, а что ты так удивляешься? – Полина заметила, наконец, округлившиеся глаза хозяйки квартиры. – Похвалила бы меня за такое рвение.

– Нда... и по какому поводу все это веселье?

– Как по какому? Хочу быть красивой и счастливой! – Полина повесила куртку, взяла пакет обратно и первой направилась на кухню.

– Так ты и так вроде... и та, и... эта, – Саша последовала за ней.

Она не знала, что ей делать. Совершенно определенно, Польке она сегодня ничего не скажет, но мысль, что она будет весь вечер врать, вызывала изжогу. Ну и ситуация. И хорошо, кстати, что Изки не будет. Вот уж кто может рубануть правду-матку в глаза, а потом хоть стой хоть падай. Что ж, придется отложить мозговую атаку до утра. Говорят же, что утро вечера мудренее. Только как продержаться сейчас?

Полина тем временем извлекла из пакета фрукты, высыпала их в раковину и неспешно намывала эти дары садов, поглядывая на каждый с любовью, которую излучала постоянно, двадцать четыре часа в сутки.

Она все делала обстоятельно и не спеша. Саша любила смотреть, как та готовит, или шьет, сидя за старинной машинкой. У Поли все выходило красиво и плавно, и результат неизменно оказывался блестящим. Нет, ну как такого человека можно было предать и так обидеть!

– Понимаешь, я вдруг осознала, что могу стать лучше, что должна что-то изменить в себе, – делилась своими выводами Полина. – И потом, Сережке всегда нравились худенькие. Ты же помнишь, какой я была, когда мы с ним познакомились? – и она с задорной улыбкой обернулась к Саше, грациозно повернув голову. Это было так естественно, что на ее фоне подобные жесты Изы выглядели ужимками и кривляньем.

– Ага, перемотина, маленький пленник Бухенвальда, – кивнула Саша.

Она уселась на кухонный уголок, согнула ногу в колене и положила на нее подбородок. Ей отчаянно стыдно было смотреть в глаза подруге, а упоминание о ее муже вызывало практически ноющую боль в груди.

Домовитая гостя переложила фрукты в большую декоративную миску и водрузила ее в центр стола, не забыв постелить клеенку.

– Вот, угощайся. Кстати, ты будешь меняться вместе со мной, – и уселась напротив озадаченной хозяйки, подоткнув щеку кулаком.

– И что, я прям тоже сразу стану красивой и стройной? – Саша рассматривала мандарины, яблоки и бананы, прикрытые сверху кистью крупных лиловых виноградин.

– Не совсем, – Полина вдруг поднялась, словно хотела взлететь, взмахнув руками, как пава, и через мгновение уже включала газ и ставила чайник. – Ты еще должна пойти со мной на занятия.

– На какие? Поль, что ты задумала?

– Тебе чего: грушу или яблоко? – Саша не шевелилась, и Полина решила за ней поухаживать. – Ты хоть и худышка, но подточить фигурку тебе не помешает.

– Мне киви, и ножик, чтобы очистить. А, и еще валерьянку, чтобы прийти в себя – я-то полагала, что я идеальна, – и она иронично улыбнулась. – Так что за занятия? Аутотренинг? «Я самая обаятельная и привлекательная»?

– Почти. Тренинг, только не ауто, а физический. Я записала нас на шейпинг.

– Чего? Поля, ну ты даешь! У меня на работе такой шейпинг каждый день, что до дома еле доползаю, ты чего творишь-то! – возмутилась Саша.

Это хорошо, что им сейчас есть о чем поговорить, избегая сложной и ужасно деликатной темы. Да и какая она к черту деликатная! Отвратительно грязная тема, и Сашка уже не знает, куда девать свои глаза. Как же тяжело хранить страшную тайну и не понимать, как ею распорядиться.

Все же Изкина помощь ей необходима. Спасла же она ее саму, когда случилось... то, что случилось. Только методы у нее слишком уж радикальные, а от того болезненные. Была бы Изка хирургом – у нее был бы только один метод лечения: ампутация!

– На меня даже не рассчитывай, – буркнула она.

Получив свой заказ, Саша с головой ушла в процесс очистки фрукта в прямом смысле слова, склонившись над тарелкой так, чтобы Полина не смогла увидеть ее глаза.

– Да тут не далеко, и не поздно. Начало в восемь вечера, два раза в неделю, – информировала ее подруга, заваривая чай. Только что произнесенный вслух отказ она проигнорировала. – Уж два-то дня в неделю можешь помучиться ради счастья своей подруги, а? В нашей бывшей школе, кстати, представляешь?

– Представляю. Прямо в спортзале?

– Не говори-ка – ностальгия, да? Сколько лет прошло...

– ... а мы все такие же глупые. И несчастные, – пробормотала Саша, перестав улыбаться.

Полина внимательно на нее посмотрела. В ее взгляде промелькнуло ставшее уже привычным беспокойство. С некоторых пор оно охватывало ее при мыслях о подруге.

– Ты опять о своем бывшем грустишь? – произнесла она тихонько, пытаясь объяснить причину внезапной печали. В последнее время Саша часто замирала с застывшим взглядом,

уходя в себя, и было видно, что кое-что из разглядываемого ей очень не нравилось и даже причиняло боль.

– Ты что! Еще чего не хватало. Я нарадоваться не могу, – загробным тоном, опровергающим собственные же слова, произнесла девушка, откусив половину киви и отвернувшись к окну.

– Ну и славно, ну и прекрасно. Я рада, что все закончилось хорошо, – Полина не стала распространяться на эту тему, уже пожалев, что вообще ее коснулась.

Они с Изкой помнили, как переживала Саша расставание с Пашкой. С ярким, громким, деятельным Пашкой, умеющим устроить фейерверк в любом месте, где он оказывался. Человек-праздник, харизматичный удачливый проходимец. Саша обожала его, и долгое время даже не понимала, что он с ней делает, как ее ломает, а когда глаза ее раскрылись, разочарование ее было так сильно, что девчонки по очереди ночевали с ней почти неделю, не доверяя помощи Федора в столь деликатном деле, как утешение при расставании с любимым человеком, неожиданно оказавшимся подлецом.

Сейчас Саша и не думала вспоминать о делах минувших дней, вычеркнув этого человека из памяти и со спокойным удовлетворением убеждаясь, что в ее сердце он не оставил такого уж большого следа, и что очарование им оказалось намного меньше и слабее, чем разочарование.

На первом плане сейчас был Сергей и его подлость. Если Сашу и Пашку связывали ничем не закрепленные отношения, то Полина пребывала в прочном и как всем казалось, надежном браке вот уже третий год, и была счастлива. Безумно любя своего мужа, она не замечала ничего, на что Иза постоянно пыталась обратить ее внимание.

Помаду на вороте своей рубашки муж объяснял неудачной попыткой помочь секретарше собрать выроненные из рук папки с документами, запах духов – пребыванием в обществе коллег-женщин на затянувшемся совещании.

Саша закрывала глаза на это все так же как и Полина, не желая верить в то, что близкий человек способен на измены и обман, и вот пришло время, когда жестокая правда встала во весь рост, готовая обрушиться на несчастную девушку, обожающую своего мужа.

Сергей никогда не знал и не пытался узнать, что и где находится в его доме. Купив вполне приличную квартиру и позволив жене обставить ее с завидным вкусом, он не беспокоился о том, где хранятся его носки, белье и даже мыльные принадлежности. За все в доме отвечала Полина. Подать тапочки пришедшему за полночь мужу – ее прямая обязанность. И она неслась как угорелая в коридор, пошатываясь спросонья. Как же – муж всю ночь заседал, устранял аврал или выработывал стратегию предприятия, и ее долг как любящей жены – обеспечить ему уют и покой, перестроив его крепость в милый дом, полный красоты, чистоты и запаха пирогов. Он же под пулями каждый день ходит, а она дома отсиживается. Ну как дома – по магазинам и рынкам бегают, полы намывает, белье стирает, новые рецепты изобретает.

Его цель – спасти мир и обеспечить семью, а ее намного скромнее: накормить повкуснее, спинку потереть, массажик сделать и на ночь сказку рассказать.

Как оказалось, главным сказочником в семье Медведевых был все же Сергей.

И как Полине все это теперь принять? Что с ней будет, когда откроется, что ее уют и счастье оказались ненастоящими, а забота – никому не нужной, что авралы и заседания проводились не на работе, а в сауне или на чьих-то съемных квартирах?

Иза сразу заговорила о разводе, Саша же пока воздерживалась по поводу какого-либо решения, а Полина... Полина наверное простит его, если Сережка решит сохранить брак. А он наверняка так и сделает. Где ему еще найти такую чтобы готовила, стирала, на ночь чистую рубашку с собой давала, накрахмаленную и надушенную. Как же – ведь Сереженька

устанет и вспотеет, когда полночь будет спорить с начальством о перспективах развития и стратегии производства, а выглядеть должен всегда свежим и представительным!

Его-то шалавы-студенточки и не умеют, наверное, борщ сварить или стрелки на брюках отгладить. Да им это и не надо, они больше по другой части промышленяют и мастерство оттачивают, а Сережка – он к уюту привык, вниманием жены избалован, без нее ничего не может.

Нет, за Польку он будет бороться до конца, и наверняка еще постарается выставить ее подруг в таком свете, что они окажутся просто подлыми завистницами, готовыми оклеветать честного человека. Нда, дела...

– Хорошо, Поля, я пойду с тобой на эти занятия, – вздохнула Саша, отодвигая тарелку с кожурой. – Только при одном условии...

– Давай, говори уже, чего потребуешь взамен? – вздохнула девушка с притворной досадой, откидывая густую длинную косу на спину. – Но имей в виду – коллекцию календариков и кофеварку я тебе все равно не отдам, ни при каких условиях, даже не проси.

– Ладно, кофеварку свою с календариками можешь оставить себе, что я зверь какой-то, что ли. Но пообещай, что пироги ты печь не перестанешь. Обещай! – сделав страшные глаза, потребовала Саша. – Клянись на мукЕ, что плюшки и курники по-прежнему будут встречать нас в твоём доме.

– Ох, Сашка, без ножа режешь, – теперь Полинин вздох не казался наигранным. – И зачем тогда нам шейпинг, если потом пирогами будем набивать животы, подготовленные для шашечек прессы?

– А вот надо, потому что вкусно. Даже Иза готова злоупотреблять ими, а ты знаешь, как она печется о своей фигуре.

– Да уж, ее фигура – ее хлеб, – кивнула Полина, подвигая подруге чашку с чаем.

– Но даже от этого хлеба она отказывается ради твоих пирогов. Так что, мать – да здравствует сдоба! Из твоих рук – что угодно!

– Отлично, завтра без двадцати восемь буду ждать тебя у входа в школу. В спортивном костюме.

– Что, уже? Так быстро? И надыхаться перед смертью не дашь?

– Конечно! У нас соглашение, ты забыла? Я твое условие выполню, и дело теперь за тобой.

– А мужчины-то там хоть будут? – Саша умела делать такие умильные мордочки, что не рассмеяться было не возможно, и Полина не удержалась, хихикнула.

– Только один – тренер.

– Правда? А конкуренток, то есть занимающихся, много?

– С тобой – человек двадцать.

– Многовато. Ладно, на месте прикинем, разберемся.

Полина обошла стол, желая заключить подругу в свои объятия, как делала всегда, но Саша вдруг дернулась и отстранилась. Она отвела взгляд, смущаясь от того, что ее действия выглядели по меньшей мере нелепо и странно, но не могла сейчас обниматься с подругой, пока скрывала от нее страшную правду. Девушка деликатно сделала вид, что ничего не заметила.

– Все будет хорошо, Сашка, – проговорила она тихим голосом, будто это Саша нуждалась в поддержке.

Саша заставила себя улыбнуться, но улыбка вышла неестественной и какой-то жалкой. На бледном лице горели только глаза. Полинка ее успокаивает, а пройдет совсем немного времени, и эта печальная обязанность ляжет на ее плечи.

ГЛАВА 4

Низкое блеклое небо выглядело как небрежно раскрашенный акварельный набросок, на который пожалели серой краски, и то тут то там зияли светлые проплешины – обрывки чахлых облаков. С утра моросило, и заплаканное окно закрывало неприглядность общей картины потеками мокрого снега по стеклу.

Саша страдала: отчет не складывался, потерянные цифры рвали так ловко выстроенную систему, а искать эти чертовы единицы ужасно не хотелось.

С раздражением оттолкнув бумаги, она подперла лоб ладонью и шумно вздохнула.

– Черт тебя дери, – сказала она скорее устало, чем грозно.

В кабинете царило безмолвие, все давно убежали на обед, и только она героически боролась за право вовремя сдать работу, уже понимая, что сегодня ей это сделать скорее всего не удастся.

Нервов никаких не хватает: Иза не отвечает на телефонные звонки, с Полиной не понятно как себя вести, и отчет вот этот дурацкий. Еще и шейпинг вечером до кучи.

Ну, с Изкой-то все как раз понятно – видимо, охота удалась на славу (судьба в который раз решилась успешно и благополучно), и сейчас победительница наверняка полирует свой «трофей» в уютной спальне, забив на всех и вся. Чего с нее взять – не ругаться же из-за этого.

Шейпинг – ладно, эту беду Саша тоже переживет. Костюм есть, кроссовки – тоже. Уж часик-то подергаться она сможет, продержится как-нибудь, ради счастья подруги. Но вот опять оставаться наедине с Полиной, глаза в глаза, когда за пазухой камень... Не ее камешек-то, но незавидная участь гонца с худой вестью досталась, почему-то, именно ей.

А тут еще и отчет этот не складывается. Нет, ну все одно к одному, ну так не честно! Впору пить «Ново-Пассит»!

– Черт же тебя подери на мелкие части! – проговорила она уже громче. Все равно никто не услышит, так что можно немного выпустить пар, хоть капельку.

Нет, ей не на шейпинг сегодня вечером надо идти, а в секцию бокса, и чтобы ее оставили наедине с какой-нибудь самой жирной сочной грушей, и дали крепкие перчатки, чтобы она отволтузила эту самую грушу так, чтобы мама не узнала... ее или грушу.

– И кого же вы решили отдать на растерзание чертям? – голос был не громким, но Саша подскочила на месте, не столько от неожиданности, сколько от осознания того, что ее опять почтил своим вниманием сам Граф. – Я могу войти, пока экзекуция не началась?

Не дожидаясь ответа, Роберт шагнул в кабинет. Невысокий, стройный, в безупречного кроя темном костюме, руки спрятаны в карманы, в глазах задумчивость. Впрочем, нет, Саша разглядела в них лукавство. Мелкие лучики разбегались от светло-карих глаз, суженных в веселом прищуре. Он мило улыбался, кривя один уголок губы. Выходило, будто он подмигивал Саше.

Она поднялась, замерев перед высоким начальством. Не отдавая себе в этом отчета, она понимала, что волнуется. Впрочем, любая другая на ее месте испытывала бы те же чувства. Граф же все-таки.

– Роберт, добрый день, я... извините, я тут поругалась сама с собой немножко, но ничего страшного, я обещала Марине, что сдам отчет в срок, и это только ускорит его завершение.

– Ничего-ничего, я не по этому пришел, – мужчина махнул в ее сторону холеной рукой, как бы останавливая поток извинений, и прошел к окну, прямиком к своему цветку. – Ну, как он тут поживает? Вижу, ему нравится ваше общество.

Он обернулся, и Сашу накрыла новая волна восторга. Что это значит? Почему она так реагирует на него? Это он что-то делает с ней сейчас, или голодная одинокая девушка увидела красивого мужчину? Боже, что за мысли, что за бред!

Саша нахмурилась, почувствовав, как запылало ее лицо. Ну вот, она покраснела! Стыдно какой, сейчас он все поймет... А собственно, что тут понимать? В чем вообще дело? Мало ли от чего может покраснеть девушка в своем кабинете? Неужели он настолько самоуверен, что отнесет это на свой счет?

Граф никогда не создавал впечатления самонадеянного гордеца, но не мог не понимать, как реагируют на него женщины, даже если они его подчиненные.

Это здание полно мужчин и женщин, объединенных в одну рабочую группу с регламентированным порядком отношений и правилами, прописанными моральным кодексом и уставом компании. Но, к сожалению, это не избавляет никого от реагирования на гендерные различия. Что бы ни гласил устав и правила поведения в обществе, а ярко выраженные половые различия порой вклиниваются и в ход рассуждений, и в линию поведения. И женщины, даже если это бухгалтер, юрист или экономист, не могут равнодушно проходить мимо красивых мужчин, будь то охранник, ведущий менеджер или тем более сам основатель компании. Это называется природа, физика, да хоть распутством назови – чего же тут поделаешь.

Боже, что она несет, о чем только думает! Саша покраснела еще больше и вдруг ринулась в угол кабинета, где, отделенный от общего помещения прозрачной перегородкой из матового стекла, находился столик для чаепития.

– Роберт, могу я предложить вам чаю? – донеслось до мужчины из-за этой перегородки, и в следующую секунду послышался шум включенного чайника.

Видели бы ее в этот момент девчонки – с ума бы сошли от такой дерзости: поить босса чаем из банального электрочайника, когда еще и заварка из пакетиков неизвестного происхождения и сомнительного содержания! Иза называет ее «пылью грузинских дорог», предпочитая приобретать чай на развес в элитных бутиках у «проверенных поставщиков».

Кто знает, может и Роберт, являясь истинным сыном туманного Альбиона, довольно ревностно относится к такому мероприятию как чаепитие, недаром у них существует такое явление как «файв о клок». Но что ей было делать, если этот способ скрыть свое макового цвета лицо оказался сейчас единственным, который пришел ей в голову. Не русскими же блинами его кормить, в самом деле! А так будет английское чаепитие на российском ландшафте.

Босс не оскорбился.

– Отлично, самое то для обеденного времени, – легко согласился он. – А кстати, Саша, почему вы не на обеде вместе со всеми?

– А... а у меня диета, да.

– Диета? В самом деле? – Роберт вышел на середину комнаты, чтобы заглянуть за перегородку и смерить бедную девушку прицельным взглядом.

Та, стараясь скрыть смущение, с остервенением принялась греметь посудой и брэнчать ложками. Да, с диетой это она неудачно лягнула, но не признаваться же ему в своем непрофессионализме – потеряла цифры и не может собрать себя в горсть, чтобы их найти, вот и сидит вместо обеда здесь, пытаясь хоть что-то сделать.

Нет, ну до чего же хорош! В это лицо можно смотреть бесконечно долго, забывая про течение времени, но только не тогда, когда ее глаза так блестят, а щеки горят. А сейчас именно так она и выглядит, как ненормальная сумасшедшая нимфоманка в период обострения.

– Думаю, Саша, с диетами вам легко можно распрощаться, – вынес Роберт свой вердикт после недолгого, но тщательного осмотра.

– Да? Правда? Я рада, – проговорила она каким-то неестественным голосом. – Прямо гора с плеч. Что же, ура, с завтрашнего дня начинаю есть, что хочу.

– Зачем же ждать завтрашнего дня? – Роберт улыбался, но лукавство пропало из его глаз. Саша заметила это, как только обернулась к нему.

– Но сегодня время уже упущено, – произнесла она тихо и глянула на настенные часы. – До конца перерыва осталось от силы пятнадцать минут. Я не успею даже выйти из здания, не говоря уже о том, чтобы достичь кафе на углу улицы.

Саша взяла блюдце с чашкой и протянула мужчине осторожно, чтобы не расплескать. Она во все глаза смотрела на него, и в голове больше не было ни одной связной мысли. Она видела эти глаза, эту улыбку, и странная невесомость заставляла ее двигаться плавно, словно какая-то сила управляла ею извне.

– Вот как... Ну что же, – Граф подошел и, принимая чайную пару, как бы невзначай накрыл Сашины пальцы своими, так что она чуть не выронила от неожиданности чашку, но взгляд Роберта оставался безмятежным, словно он ничего не заметил, только губы дрогнули, или Саше это просто показалось. – Пожалуй, в таком случае, думаю, вам стоит нагнать упущенное вечером, – он не отрывал взгляда от ее лица. – Оставшись без обеда, вы должны наградить себя хорошим ужином. В самом лучшем ресторане.

Почему он так пристально на нее смотрит?

– При всем уважении, Роберт, – уже почти шептала Саша, не решаясь высвободить руки и не зная, куда прятать свои глаза, – каким бы хорошим не было мое жалованье, которое вы мне назначили, моя зарплата не позволит мне отправиться в ресторан, как бы голодна я ни была. Обещаю, я приготовлю себе что-нибудь вкусное и съем это дома, в привычной уютной обстановке.

– Вопрос жалованья действительно большой вопрос, и я пытаюсь его решить, снизив уровень болезненности для всех заинтересованных сторон, – также перешел на вкрадчивый шепот мужчина, забрав, наконец, злосчастную чашку себе и освободив Сашу от невыносимой неловкости, – но, думаю, накормить одну голодную девушку сегодня вечером я смогу. Так сказать, в качестве компенсации...

Компенсации? Он вообще о чем?

Но не успела Саша подумать над ответом на свой же вопрос, как дверь с грохотом распахнулась, и на пороге появилась шумная компания девушек. Люда, как всегда, была впереди планеты всей, и на этот раз, возглавляя шествие, она первой увидела необычную картину, которая заставила ее замереть на месте и принять на себя все тычки и натиск позади идущих.

– Ну чего ты там, Людка, – толкалась Лиля и Ира ей в этом помогала. – Что застыла? Кого ты там узрела?

– С Сашкой что ли че стряслось? – Ира пыталась через ее плечо заглянуть в помещение.

Люда продолжала стоять, не находя слов, так как на самом деле узрела то, что узреть была не готова: Сашка поила чаем босса, стоя посередине комнаты, и босс ей улыбался и смотрел на нее так странно, что увидь это выражение лица Марина, ей бы такое очень не понравилось. А если бы она посмотрела в этот момент в глаза самой Сашки, то уволила бы ее нафиг без выходного пособия, чтобы другим неповадно было, это уж точно.

Все знали, что у Марины, как ни у кого другого в их дружной компании «Эйч Ви Корпорейтед», самые серьезные виды на этого мужчину. Прекрасно понимая, что шансов у нее никаких, равно как и у любой другой женщины в их компании, она, тем не менее, всегда ревностно следила за тем, чтобы никому не перепало высочайшего внимания больше, чем следует. Следила, так сказать, за справедливым и равным распределением щедрот босса. А тут такое дело.

Сзади напирала, шумели и пищали, и Люде пришлось сделать шаг вперед, пропуская в кабинет своих нетерпеливых спутниц.

Роберт обернулся, спокойно обвел всех веселым взглядом и доброжелательно кивнул на нестройные приветствия девушек.

Сделав глоток чая, он вернул онемевшей и одеревеневшей Саше чашку.

– Спасибо, Саша, – произнес он таким тоном, что у присутствующих не осталось никаких сомнений относительно характера их беседы, протекавшей вдали от посторонних глаз и ушей.

Зато они появились у Саши. Что он имел в виду? К чему сказал про ресторан? Правда ли, что только что он ее туда пригласил? И что вообще все это значит?

– Мы еще поговорим, – пообещал Роберт, слегка коснувшись плеча девушки, и направился к выходу. – Дамы, – он слегка наклонил голову, проходя мимо онемевшей троицы.

Аура его присутствия тонким флером парфюма витала в воздухе, потрясенные открывшейся сценой девушки приходили в себя, а Саше вдруг ужасно захотелось домой. Запереться в своей комнате, усесться на диван, завернувшись в плед и обнять своего медвежонка.

– Ох, не вовремя Марина выходной взяла, – проговорила Люда, сверля Сашу подозрительным взглядом, словно пыталась прочесть в глубине ее серых глаз все подробности более чем странной встречи.

– Да, в нашем деле только так: нечего прохлаждаться, когда идет война, – проговорила Саша, с блеском выдержав этот взгляд. – Отдых – недопустимая роскошь во время военных действий.

– Как бы в следующую командировку не послали кого-нибудь из нас, – Лиля первая прошла к шкафу и принялась раздеваться. – А то прознает Марина про ваши с Графом делишки, и придется тащить свою задницу в область или мне, или вон Иришке с Людкой.

– Вот-вот, – с упреком произнесла Ира, расстегивая кожаное пальто. – А больно нам это надо.

– Никому не надо, – подвела итог Люда. – Ты вот скажи: до чего вы тут договорились-то, а?

– Ну конечно, так я вам и сказала! – Саша поставила чашку с чаем на столик и направилась на свое рабочее место. – Кстати, чай Графа, – она небрежно махнула рукой себе за спину, – пригублено один раз, продам недорого право отхлебнуть глоточек или поддержать в руках. Второе, кстати, дешевле.

– Ну мы-то свои люди, а? – подмигнула ей Ира. – Договоримся как-нибудь?

– Поэтому и говорю, что вам – не дорого.

– Жмотина, – от души фыркнула Лиля, покрывая плечи темно-вишневым шарфом и направляясь к окну.

Люда как раз шествовала к своему столу, когда перехватила взгляд Иры, и все трое, не сговариваясь, со смехом и криками бросились к столику. Собственно, до пригубленного бокалом чая им дела не было, как и до самой чашки, которую он держал в руках, но подурчиться хотелось, лишь бы оттянуть хоть немного время начала кропотливой и нудной работы.

– Сашка, ну ты нам хоть намекни, о чем он говорил с тобой, а? – девчонки набивали рты закупленными с утра кексами.

– Да замуж звал, – Саша лениво потянулась и со скучающим видом прикрыла ладошкой рот, словно скрывая зевок. – Не могу, говорит, без вас жить, несравненная Александра Александровна. Выходите, говорит, а не то я сам зайду.

– Что, прям так и сказал? – выпрямилась Ира, оторвавшись от поглощения сладостей, за что получила по голове от своих старших товарищей.

– Не знаю я, чего он приходил, и о чем говорил – не поняла, – буркнула Саша, окончательно прогоняя веселость. В глазах на некоторое время застыла тоска, и она поспешно опустила взгляд, снова уткнувшись в бумаги.

У мужчин свои игры, они преследуют свои цели, и их интересы лежат в иной плоскости, нежели ее, да к тому же все это покрыто толстым слоем цинизма. Взять того же Олега: только посмотреть на него – умирает от скуки и раздражения, этакий современный Онегин, разочаровавшийся во всем, а увидит женщину, и весь преобразается, хотя нужны они ему лишь для конкретного употребления, это сразу понятно. Пашке вон вообще не она нужна была, а ее тело, и то, чтобы подкладывать его под своих работодателей. Нет, никому из мужчин верить нельзя, чтобы они ни говорили и какие бы серенады не исполняли.

Наверное, только ее родственника Федора можно считать честным и порядочным мужчиной из тех, кого она знает. Вот не желает он жениться, не влюблен ни в кого – и не врет никому, мозги не пудрит и никого не использует. Честно? Честно. А тут – в ресторан пожалуйте, я вас накормлю, фигура у вас отличная. А самому что надо? О желудке ее печется и о здоровом питании? Как бы ни так. Да и фигура у нее самая обычная – просто худая девушка без лишнего веса. Ни груди, ни волнующих изгибов бедер. По виду даже на подростка похожа, даром, что уже двадцать шесть. Что, Графу наскучили светские дамы? Пресытился изыском, подавай ему что-то простенькое и без ажурчиков?

Ну уж нет, как бы он ни нравился ей, как бы ни будоражил воображение и даже что-то внутри ее чувствительного организма, но Сашка так просто не продается, и больше использовать себя никому не позволит. Хватит уже, ученая. Да к тому же нечего ей губу раскатывать – все что, произошло, лишь показалось ей, и точка. Станет ее босс, глубокоуважаемый человек с большими доходами и личным поместьем в глубинке Англии, искать с ней встречи и назначать ей свидание? Ей, Саше Кунициной, простой девчонке без особых примет? Аж самой смешно, честное слово.

Через двадцать минут ей стало не до смеха: на рабочую почту пришло письмо. От Графа. Он действительно приглашал ее сегодня вечером в ресторан. А тут еще шейпинг этот... Полинке же обещала...

ГЛАВА 5

– Ну чего же ты так долго! – Полина от нетерпения пританцовывала на ступенях школьного крыльца. – Обязательно приходите в последнюю минуту?

– Это я-то в последнюю минуту? Вот сколько на твоих часах? – Саша с шумом выдыхала воздух.

У нее, между прочим, сегодня стресс – она решала непростую дилемму: пойти на шейпинг с подругой или в ресторан с красивым мужчиной. Впрочем, никакая это не дилемма, решение было однозначным и мгновенным. Мужчины приходят и уходят, их не один миллиард разбросан по всей планете, и в частности несколько тысяч обретаются конкретно в их городе. Конечно, не все из них такие богатые и красивые, как Граф, это факт, но подруги встречаются еще реже, и становятся настоящими не за месяц и даже не за один год. Так что выбор для Саши был очевиден, о чем она и сообщила в деликатной форме в ответном письме своему боссу, не забыв сердечно поблагодарить за оказанную ей честь. «Окей, может, в следующий раз», – получила она ответ, и ее сердце радостно дернулось в груди, а в ушах прогремел победный звук фанфар.

– Ты знаешь, у меня нет часов, но если я достану телефон, он покажет без пятнадцати восемь, – проговорила Полина с легким укором. Сердиться всерьез она не умела.

– Вот, сама себе противоречишь. Опоздала, это когда уже восемь, – запыхавшаяся Саша взбежала по ступеням и замерла перед подругой. – Или одна минута девятого.

– Надо было сказать тебе, что начало в семь, тогда бы ты пришла вовремя.

– Да у нас еще полно времени.

– Откуда? И, главное, для чего? Галопом добежать до раздевалки? Нам еще переодеться надо, причесаться, макияж подправить, – Полина схватила Сашу за руку и распахнула двери. – Идем, а то и эти жалкие минуты потеряем. Чтобы в следующий раз пришла за полчаса до начала, понятно? За полчаса, и ни минутой позже, – ее строгий голос отдавался тихим эхом под сводами школьного фойе.

– Это из-за прически я должна терять свое личное время? – возмущалась Саша, но послушно шагала за Полиной. Из пустого фойе в коридор и там направо, мимо столовой до малого спортзала – она помнила.

– Не только. Надо еще успеть места хорошие занять.

– Это какие еще? Мы заплатили за абонемент, и нам же еще драться за место под солнцем?

– Не под солнцем, а ближе к зеркалу.

– Это еще зачем?

– Ну вот сразу видно, что ни на какие занятия ты никогда не ходила, – вздохнула Полина, приближаясь к заветному залу. – Да я и так это знаю, тебе и не за чем туда заглядывать. Просто перед зеркалом удобней заниматься, видишь себя и сразу понимаешь, где и что делаешь не так.

– Хм, а разве не тренер должен нас поправлять и следить за правильным выполнением?

– Тренер один, а нас двадцать. Думаешь, он ко всем успеет подойти? – Полина обернулась к девушке, окинула ее дружелюбным взглядом и в глазах ее загорелись искорки. – Ну, думаю, к тебе-то он сегодня точно успеет. Идем, – и с улыбкой вошла в зал, свернула налево и оказалась в школьной раздевалке.

Народ уже подтянулся, разряженные девушки и женщины разной комплекции и в ассортименте переодевались в спортивную форму, словно готовились к телевизионному выступлению: открытые маечки и топики всех цветов радуги, короткие шортики у тех, кто постройнее, и модного покроя спортивные брюки у тех, кто пока вынужден скрывать свои

ноги. Всевозможные прически, яркий макияж и бьющий в нос запах духов, мешанина сладких и терпких ароматов.

– Нда, здесь еще надо выжить и не задохнуться, – пробормотала Саша, выискивая свободный крючок и место на лавке, куда можно было бросить свои вещи.

– Всем привет, – произнесла Полина бодрым голосом, но к Сашиному удивлению, ей почти никто не ответил. Обернувшись на голос и разглядев вошедших, все тут же отвернулись, совершенно не обрадованные ее появлением.

Такое поведение немного озадачило Сашу, но решив, что конкуренция, она и в Африке конкуренция, решила не заморачиваться по этому поводу, тем более, Полину это нисколько не задело. Эта девушка умела довольствоваться малым и не требовать к себе особого отношения, сама даря именно такое всем, кого любила и уважала.

– И как тебя только угораздило сюда попасть-то, – сквозь зубы произнесла чуть слышно Саша. – Просто серпентарий какой-то.

– От дома близко, и время удобное, да и цена приемлемая, не ворчи, – Полина протиснулась между какими-то женщинами с мрачным выражением на лицах, обе молча пыжились, натягивая лосины на внушительных размеров филейные части тела.

– А с чего тут вообще появилась эта оздоровительная группа? – Саша начала раздеваться, искоса поглядывая на присутствующих.

Как это она не подумала, что в общеобразовательной школе не может быть хороших условий для хранения личных вещей, и что не следовало приходить сюда с телефоном и кошельком. Ладно, другие вроде не переживают по этому поводу, и ей, в таком случае, тоже не стоит.

– Школе нужны деньги. Финансирование, сама знаешь, какое, а существовать на что-то надо, – поясняла Полина, быстро разоблачившись и копошась в спортивной сумке.

– Да уж я-то знаю, разумеется, конечно, специально изучала этот вопрос, – буркнула Саша, в подпрыжке натягивая салатного цвета штаны.

– Ну и вот. Бедного учителя физкультуры принудили набрать такую группу, которая бы приносила школе хоть какой-то доход. Парню просто пришлось подчиниться решению руководства.

– Представляю, что он обо всех нас думает, – хмыкнула Саша, запрягивая телефон и ключи от квартиры за прорванную подкладку сумки. – Ему детворы днем хватает, а тут еще и тетки всякие, – она снова обвела раздевалку взглядом, заметив, что большая часть присутствующих ее уже покинула. Не иначе, побежали занимать места перед зеркалом, которое так нужно Полине.

– Нет, не представляешь. У него уроки днем, секция восточных единоборств вечером, да еще и мы для полного счастья. Так что я тоже понятия не имею, что он на самом деле чувствует, но с нами он вежлив. Все, я пошла. Я занимаю места, ты приносишь коврики, – и Полина выбежала из раздевалки.

Когда Саша вышла в зал, тренера она нигде не увидела, и это ее записали в опаздывающие! Зато девушки обступили какого-то парня, смазливенького брүнета, по виду – десятиклассника, и отчаянно кокетничали с ним, умело строя глазки. Впрочем, парень не выглядел особо смущенным и пришибленным. Когда же оказалось, что это и есть учитель физкультуры и их тренер Ян Вадимович, Саша от удивления раскрыла рот. Вот этот мальчик будет помогать им худеть? И для него надо делать прическу и ярко подводить глаза и приходить пораньше, чтобы занять место поближе к нему? Ну что ж, ладно, надо так надо.

Тренер тем временем хлопнул в ладоши, давая сигнал к началу занятий, официально поприветствовал пришедших, пожелал удачи новеньким, и пообещав выжать из них все соки, включил магнитофон.

Саша старалась. Всю тренировку она только и делала, что старалась, с досадой сделав неприятное открытие, что худоба – это еще не повод для радости. Дыхалка слабая, координация расшатанная, сосредоточенность на троечку, а выносливость вообще на доньшке плещется мелкой лужицей, грозясь окончательно пересохнуть. К концу занятия Саша готова была остаться здесь ночевать, потому что полагала, что подняться уже не сможет.

В общем, все как этот кровожадный Ян Как Его Там По Батюшке и обещал.

Справедливости ради следует отметить, что Ян Вадимович помогал ей как мог: ободрял, вдохновлял, дразнил и завлекал радостными перспективами. Саша же про себя отметила, что такого внимания от тренера удостоилась лишь по одной причине – она занималась рядом с Полиной.

Даже если бы она страдала астигматизмом и имела большой минус по зрению, она бы и тогда догадалась, что Ян старается только для одной присутствующей в зале дамы – Полины Медведевой. Она прямо ощущала эту химию, правда, исходящую только от молодого человека, но зато настолько ощутимую, что сразу поняла, почему все женщины так неприязненно косились на Полину.

Оно и не удивительно: молодой парень в самом расцвете сил, с литыми мышцами, имеющий какой-то разряд по боевым искусствам и даже может быть черный пояс, не сводил глаз с одной единственной девушки на зависть всем остальным.

Саша также отметила, что Полина этого не замечала. Она старательно делала все, что ей говорили и показывали, с благодарностью принимая поправки и коррекцию, стараясь от души. Девчонка занималась всерьез, и надо иметь черное сердце, чтобы заподозрить ее в попытке флирта. Впрочем, о чем это Саша? Полина обожает своего мужа, это всем известно. Он для нее и самый красивый, и самый умный и бесконечно благородный, вопреки отсутствию черного пояса и такого роста и развитой мускулатуры, как у этого паренька. Как только в памяти всплыло самодовольное лицо этого типа, Сергея Медведева, Саша помрачнела.

Черт, она так и не знает, что ей делать. Чужая тайна ощутимо жгла ее, не давая покоя, и Саша тоскливо оглядывалась вокруг, будто ища подсказку, как ей поступить. Неужели ни одна из присутствующих здесь женщин никогда не оказывалась в такой ситуации, в качестве жертвы или нечаянной обладательницы неприглядной тайны? Что они чувствовали, о чем думали, как поступали? Как проходили через это испытание? Но все были увлечены выполнением упражнений в надежде на то, что Ян подойдет и поможет им, взяв за ножку, или расправив им плечико, или приподняв подбородок своей сильной широкой ладонью.

Всем хочется внимания, заботы и любви. Все нуждаются в этом, и каждая ждет и ищет. И если надо, можно отобрать это у других, ну, или взять на время, попользоваться, так сказать, чужим счастьем, примерить на себя чужие одежды. Плевать, что там своя жизнь, судьба, любовь. Плевать, что кому-то будет больно, это не важно. Главное – словить свой собственный кайф, пусть ворованный, пусть впопыхах и втихаря, но так даже прикольней – ощущения острее. А что там после тебя останется, что будет с бедным разбитым сердцем – не их забота, и вообще такая ерунда. В наше время слабые не выживают, и за свое счастье надо драться, а не уметь – пусть отойдут в сторонку.

– Эй, Саш, ты чего? – голос Полины заставил подругу вынырнуть из горестных раздумий. – Чего ты такая свирепая? Посмотри на свое лицо. Это всего лишь боковые махи, расслабься.

– А я что делаю? Я полностью расслаблена, и я выполняю... боковые... махи, – пот тонкими ручейками стекал по Сашину лицу, и она на автомате повторяла и повторяла одно движение, чувствуя, как силы покидают ее.

– А ты будто pinaешь кого-то, буквально избиваешь. С таким лицом в подворотне запоздавших прохожих караулят и деньги у них отнимают, – хихикнула Полина тихонько, чтобы не мешать Яну.

Он как раз неподалеку от нее помогал бедной толстушке, едва ворочающей своими вялыми конечностями.

– А я бы и подкараулила кое-кого, – сквозь зубы проговорила Саша чувствуя, как начинает злиться. Это все из-за Сережки, будь он неладен. Интересно, это подло по отношению к подруге – пожелать импотенции ее мужу-кобелю?

– И кто это тебя так разозлил? – Полина перекинула съехавшую на грудь косу обратно за спину.

– Тебе лучше не знать, – буркнула Саша.

– Так, отлично, девушки! Молодцы! – громкий бодрый голос красавчика вызвал общий вздох облегчения, прошедший гулом по залу. – А теперь встали и дышим.

Все уже знали, что делать, и Саша краем глаза поглядывала на подругу, повторяя за ней движения, чтобы успокоить бешено скачущее сердце и восстановить дыхание.

– Спасибо, все старались, было здорово.

Ян Вадимович заплотировал, все поддержали его, и какое-то время шум оваций отражался от стен гулким эхом.

Саша жалела о том, что забыла прихватить бутылку с водой, но Полина милостиво оставила ей последний глоток и Саша жадно припала к горлышку.

– Девушки, маленькое объявление! – Ян жаждал внимания, и закопошившиеся было женщины замерли, направив заинтересованные взгляды на брюнета. – Предлагаю для сплочения группы отмечать праздники в нашем тесном дружном кругу. Дни рождения, новый год, что-то еще. Как вам идея?

Девушки переглядывались и улыбались. Похоже, слова красавчика пришлись им по вкусу.

– Отлично. Предлагаю в этот выходной совершить пешую прогулку в лес. Вы как, готовы глотнуть свежего воздуха? Здоровый образ жизни включает в себя не только физические занятия и диету, а также много всего интересного, – завлекал присутствующих Ян.

– Секс – тоже хороший вид спорта и способ похудеть, – прошептал кто-то за спиной у Саши. – Интересно, Яна можно нанять в качестве личного тренера для индивидуальных занятий, а?

Слышавшие это захихикали, Полина с ироничной улыбкой на усталом но довольном лице глянула на Сашу. Она убрала потные волосы со лба и задумчиво провела рукой вдоль косы.

Саша заметила как Ян внимательно проследил за этим движением.

– Ну, что скажете? – казалось, он смотрел на одну только Полину, не замечая никого вокруг, и девушка согласно кивнула, одновременно пожав плечами, как бы показывая свою нерешительность. Мол, подумать надо, с мужем посоветоваться.

– Мы – «за»! – Саша решительно схватила ее за руку и подняла вверх, пока Ян не отводил от нее взгляда. Молодой человек улыбнулся и кивнул.

– Всем хорошего вечера, удачной недели, встретимся послезавтра!

И первым направился в мужскую раздевалку. За ним потянулась вереница жужжащих девушек и женщин.

Саша плюхнулась на скамейку, даже не думая начинать переодеваться. Ну уж нет, час она просидит так, и только потом, может быть, начнет пытаться шевелиться.

Полина весело поглядывала на нее, стягивая сырую футболку.

– Не думала, что худые могут так потеть, – произнесла она с улыбкой, кивая на темные пятна на белой майке подруги.

- А что же, они хуже пышек, что ли?
- Да им просто нечем это делать! На то они и худые, что у них изначально уже все соки выжаты, – хихикнула Полина.
- Поль, ты уже сколько сюда ходишь?
- Третий раз, а что?
- Откуда только силы берешь, – позавидовала ее активности Саша. Усталость навалилась на нее, придавив к скамейке, и мысль, что надо еще добрести до дома, вгоняла в уныние.
- У меня есть цель, понимаешь? Я поставила перед собой задачу – похудеть, стать более привлекательной, и я ее достигаю. Ради этого я готова на все.
- Зачем?
- Что зачем?
- Зачем становиться лучше, чем ты есть?
- Сашин серьезный взгляд озадачил девушку.
- Саш, ну ты чего, никогда не слышала о совершенствовании? Всегда есть куда и к чему стремиться и что-то в себе изменять.
- Но ведь не о внешности это говорится.
- Саш, да что с тобой? Ты как будто в чем-то упрекаешь меня, – Полина присела рядом с подругой, не замечая никого вокруг. Ее пару раз толкнули, провезли по лицу чьей-то курткой, но она даже не обратила на это внимания.
- Полина, ради кого ты это делаешь? Все это?
- Ради мужа, разумеется. А ты что подумала?
- Да просто стоит ли другой человек таких усилий и жертв, а? Надо ли ему это? Способен ли он оценить твои порывы по-настоящему?
- Да что ты говоришь! Мне же самой приятно все это. Я с радостью занимаюсь, и мне нисколько не жалко, что я села на диету. А Сережка, ему тоже будет приятно, что ради него способны на жертвы и лишения. Ради его любви, – Полина мечтательно улыбнулась. – И конечно же речь идет не только о внешних изменениях, ты же понимаешь меня.
- А если мужикам на это плевать, на все эти потуги? Что, если они просто меняют постылых жен на молодых девиц, и все? И к черту тогда твои диеты и прогулки на свежем воздухе!
- Ей вспомнился сосед, красивый видный мужчина, который ни разу не привез к себе одну и ту же женщину дважды. За пять месяцев, что он живет в их дворе, Саша в этом убедилась.
- Саша, да что ты, в самом деле? – Полина вскочила и всплеснула руками. Заметно расстроенная, она принялась натягивать на себя юбку. – Можно подумать, что я – постылая жена. Да мы всего третий год в браке, когда бы я успела опостылеть своему мужу?
- Полин, прости, я не это имела в виду...
- И не настолько я страшная, чтобы не было шансов на изменения и он бы бросился на поиски новой женщины. Мне всего двадцать шесть, и я не собираюсь записывать себя в старухи.
- Да тише ты, я же просто так это ляпнула, чисто гипотетически, – Саша вскочила, забыв про смертельную усталость, и потянула Полину за рукав блузки, которую та собиралась надеть.
- Конечно, чисто гипотетически, – ворчала Полина, не желая выпуская рубашку из рук. – А обидела ты меня тоже чисто гипотетически? Почему же мне тогда обидно реально и фактически?
- Не правда, тебе не может быть обидно, потому что все что я сказал – ерунда, и обижаться не на что, и ты это знаешь и понимаешь, потому что умная. Самая умная из нас.

Полина внимательно посмотрела в лицо подруге. Сероглазая красавица с притаившейся в глубине глаз печалью, которую, как сама она была уверена, успешно скрывала ото всех на свете, стройная и ладная, с чистой кожей и натуральным цветом волос – чего еще нужно мужчинам? Где они, настоящие, порядочные, сильные?

Попросить, что ли, Сережку познакомить ее с кем-нибудь из его друзей? Пора за нее браться, а то после своего Пашки вообще перестала смотреть в сторону парней, и разговоры эти подозрительные: зачем да к чему... Депрессия, что ли начинается?

– Ну что, все рассмотрела? – Саша состроила рожицу. – Все мои капилляры и сосудики?

– Да какие у тебя сосудики? Что ты из себя бабушку корчишь? Тебе еще далеко до всех этих сосудиков. Одевайся, пора домой.

И показывая пример, принялась облачаться с завидной скоростью и целеустремленностью.

* * *

А дома Сашу ждал сюрприз. От таких сюрпризов она вздрагивала, и ночью ей виделось что-то мутное и темное, но так как кошмары не снились в принципе, то просто просыпалась разбитой и уставшей, впрочем, опять же – так бывало всегда по утрам, стоило прозвенеть паразиту-будильнику.

На этот раз таинственный автор «сюрпризов» превзошел себя. Как только Саша переступила порог ставшего родным дома, в прихожую вышел Федор. Высокий худощавый мужчина сорока лет с приятными, немного женственными чертами лица, с легкой бородкой (как подозревала девушка – для придания лицу мужественности), в спортивном костюме и как всегда – спокойный и невозмутимый.

– Где была?

– Подругу спасала.

– Которую? И как именно? – мужчина принял Сашино пальто и повесил на плечико, как делал всегда, встречая ее по вечерам.

– Полинку, от одиночества, – Саша впахнула ноги в тапки и направилась в ванную.

– Хорошее дело, – кивнул Федор. – Ужинать будешь?

По уму – ей следовало лечь голодной, разве что выпить стакан кефира, но у худых свои преимущества: женские прелести таких девушек лишены известных округлостей, зато счастливицы могут позволить себе плотный ужин на ночь глядя, не имея при этом никаких тяжелых последствий.

Сегодня Саша еще больше уверилась, что ее поход в спортзал – совершенно не имеющая смысла авантюра, но если Полине так лучше и спокойнее, она пойдет на эту жертву. Но диета... этому не бывать.

Вот Иза никогда не нуждалась в компаньонке, решив что-либо изменить в своей жизни, и действовать всегда любила сама, в одиночестве. Да и в деле заполучения очередного плательщика по ее счетам или пригласительного билета в высший свет, где Иза обожала показываться в обществе того или иного представителя класса сильных и обеспеченных, вторая женщина была бы лишней.

Полина другая – душевная, спокойная и немного стеснительная, чтобы она сама ни говорила об этом.

Дверь в комнату, откуда только что вышел Федор, была распахнута, и проходя по коридору, краем глаза Саша заметила необычную композицию в центре стола.

– Откуда цветы? – она удивленно обернулась к дяде. – И для кого?

– Не знаю, но уж точно не мне, – подмигнув ей загадочно, он обогнал ее и скрылся на кухне. Тут же послышалось гроыхание кастрюль и звон посуды. Еще бы ему не разводить

бурную деятельность – всегда легче подогреть то, что готовил другой, крутясь в поте лица на одной ноге.

Саша, забыв о ванной, направилась к столу и как замороженная, уставилась на букет. Бордовые розы с крупными удлинёнными бутонами, сочные и свежие, будто только что срезаемые в оранжерее, стояли в скромной Фединой вазе, которая выглядела так же нелепо, как деревянное корыто для королевского торта.

– Феть! – крикнула Саша, не отрывая взгляда от цветов. – А кто принес букет? Или он сам материализовался здесь?

– Нет, не сам, курьер принес. У тебя новый воздыхатель? – Федя выглянул из кухни. – Поздравляю.

Хорошо, что он не видел Сашиного лица. В данную минуту на нем отобразился... страх.

Не прикасаясь к розам, будто они могли оказаться ядовитыми, Саша направилась в свою комнату, выдвинула нижний ящик комода и вытащила коробку из-под конфет, прикрытую сверху парой рубашек. Уселась на диван, подогнув под себя ноги, и сняла крышку. Внутри лежало четыре конверта, все – бордового цвета, подписанные от руки, без обратного адреса, с одним только словом: «Тебе».

Дрожащими руками открыла наугад один из них. На вложенном листке бумаги красивым почерком было написано только одно предложение: «Ты нужна мне». Достала второе. «Я ищу тебя». Третье. «Не прячься от меня». Четвертое. «Ты будешь моей».

Взъерошив светлые волосы, девушка тяжело вздохнула и опустила голову.

Странные письма стали приходиться вскоре после разрыва с Пашкой, по одному в месяц. Сначала Саша так и подумала, что это от ее бывшего – так он пытается наладить с ней связь, чтобы помириться. Она отправилась к нему, подкараулила во дворе и устроила скандал на виду у всех. Ею двигал страх, но также и тайная надежда, что именно он автор писем. К сожалению, она ошиблась. Пашка поклялся, что был бы рад вернуть ее расположение и заслужить ее прощение, но не писал никаких писем, считая, что Саша его никогда не простит.

– Или, простишь? – произнес он тихо, заглядывая ей в глаза.

Девушка обернулась к нему, посмотрела в красивое лицо, от которого так долго сходила с ума, и произнесла тихо и твердо:

– Ни-ког-да!

Письма продолжили приходиться, и Саша не знала, что и думать. У нее не было ни одного предположения, кто мог быть их автором, и каждое новое письмо, брошенное в почтовый ящик, доставала с дрожью в руках и гулко бьющимся сердцем. В подъезд теперь она всегда входила с опаской, оглядываясь по сторонам, готовая при малейшем намеке на опасность задать стрекача, но пока ее никто не трогал и не искал с ней встречи, довольствуясь лишь этими непонятными короткими посланиями.

И вот букет. У девушки были все основания полагать, что это дело рук одного и того же ненормального, потому что больше некому было посылать ей цветы.

Подумав еще немного, она вскочила, легко спрыгнув с дивана, и вновь бросилась в зал.

– Феть, – снова позвала она, пересчитывая розы. Семнадцать штук. – Феть, а никакой записки не было?

– Была, точно, я просто забыл. Я на телевизор положил, – Федор снова выглянул в коридор – Иди ужинать. Долго тебя ждать?

– Пять сек, – пробормотала Саша, беря в руки бордовый конверт. Нервно сглотнув, достала белый листок. «Ты прекрасна».

Тяжело вздохнув, она направилась в кухню.

– Как-то ты не слишком рада, что тебе прислали такие цветы, – встретил ее дядя. – Букет тянет тыщ так на...

– Не важно, насколько он тянет, – буркнула девушка, – важно, кто и с какой целью его прислал.

– Ну ты даешь, мать, – Федор поставил перед ней полную тарелку макарон с двумя котлетами (он знал, как Саша любит поесть). – Это же знак внимания, это чей-то намек на продолжение отношений.

– Вот то-то и оно, – протянула Саша мрачно, глядя на вилку.

ГЛАВА 6

О странных письмах не знал никто, ни Сашин родственник, ни подруги. Почему-то было страшно рассказать об этом хоть кому-то. Саше казалось, открой она только рот, как таинственный джин вылетит из бутылки и ситуация станет неуправляемой, а пока знает только одна она – существует иллюзорное чувство контроля над происходящим. Конечно, это не так. До сих пор неизвестный автор ограничивался только посланиями, но что будет, если он решит перейти к действиям? Об этом Саша предпочитала не думать.

К обеду мрачность исчезла. Неожиданно девушку посетила одна интересная мысль, и она испытала настоящую радость, тихую и не заметную окружающим, но сменившую минорный лад ее мыслей на бравурный марш.

Просто Саша подумала, что... подумала, что... а что, если... ммм... а если цветы прислал Граф? Это очень даже может оказаться правдой. Он воспитан и держится так, что подобный подарок вполне может быть в его духе.

Разумеется, Саша понятия не имела, что в его духе, а что нет, слишком плохо зная этого мужчину, но в том, что он джентльмен – не сомневалась. А значит, он очень даже мог прислать ей эти розы. В знак симпатии, так сказать. Дружеской, разумеется, какой же еще.

Просто... он же пригласил ее в ресторан, а значит, оказал ей особый знак внимания, выделил из сонма своих работников, заметил и отметил. Цветы казались следующим логическим ходом... Стоп! Ходом чего? Соблазнения?

Что, серьезно? Она действительно считает, что Роберт Стивенсон может быть заинтересован в том, чтобы вызвать в сердце Саши Кунициной особое чувство? И ему это надо, нет, правда? А что, кто-то станет утверждать, что она этого не достойна? Ну, это сложная и болезненная тема, не стоит сейчас углубляться в дебри нудных рассуждений с составлением психологических портретов...

Конечно, если начистоту, кандидатура Графа, как потенциального отправителя загадочных посланий, казалась притянутой за уши, но что ни говори, а основание, хоть какое-то, хоть размером с пятак, у Саши имелось – Граф относился к ней иначе, чем к другим, и уже довольно продолжительное время.

Отложив в сторону документы, девушка задумалась. В какой момент она впервые заметила внимание Роберта к своей скромной персоне? Не тогда ли, летом, когда ее глаза подернулись тоскливой дымкой и скорбная складка залегла около губ? Граф первым обратил внимание на ее душевное состояние и при случае всегда интересовался ее самочувствием. Девушка никому не рассказывала о своей личной драме, но забота босса была ей приятна.

При этом в его глазах девушка замечала нечто такое... нечто такое, что не могла себе объяснить, и это сильно смущало ее, одновременно радуя и заставляя сердце биться быстрее, но Граф никогда не выходил за рамки приличий. Разве что вчера позволил себе более близкое общение с ней, чем обычно.

Его приглашение в ресторан раскрыло все карты. Теперь Саша была практически уверена – письма приходят от него. Их посылал Граф, чтобы поддержать ее. Это казалось невероятным, но так ей было легче.

Это гораздо приятнее, чем сознавать, что она стала жертвой ненормального загадочного сталкера (*сталкер – преследователь, человек, вторгающийся в чужую жизнь*), когда не знаешь, на что он способен и чего от него ждать. Совсем другое дело – когда тебе оказывает знаки внимания достойный человек, интересный мужчина, что-то значащий для тебя.

На душе сразу стало так легко, словно за окнами бушевала весна, вопреки законам природы, и даже воздух ей казался напоенным ароматом перемен и свежести. Теперь не нужно бояться заходить в собственный подъезд и вздрагивать, когда открываешь дверцу почтового

ящика и видишь бордовый конверт. И больше не будут дрожать руки, извлекая из него очередное послание, разве что от радостного волнения.

Нет, конечно, Саша ни за что бы не призналась себе, что влюблена. Для этого она действительно слишком мало знала своего начальника, но он относился к категории тех людей, которые вызывают симпатию мгновенно и нравятся с первого взгляда. Они способны завладеть не только вниманием, но и поселиться в мыслях, стать навязчивой идеей. Такие люди слишком яркие, чтобы остаться незамеченными, и всегда производят неизгладимое впечатление.

Только сейчас Саша подумала, как, оказывается, это сложно, когда все на тебя смотрят и считают тебя идеальной партией. Кто-то из этой оравы поклонниц по-настоящему в это верит, ну а кто-то просто считает такой союз удачным альянсом и делает все для того, чтобы он осуществился. И как в таких условиях бедному мужчине распознать, кто относится к нему всерьез, а кто держит его за петуха, несущего золотые яйца, ну или за курицу. Сложно, будучи умным и имея не заурядный интеллект, понимать и давать себе отчет в том, что из десяти очарованных тобой женщин лишь одна-две испытывают к тебе настоящие чувства.

Проведя рукой по волосам и убрав с глаз челку, Саша обвела взглядом примолкших коллег. Все трудились, уткнувшись носами в мониторы своих компьютеров, и девушка удивилась тому, какое направление приняли ее мысли. Надо же, оказывается красота и богатство – это не только радость, но и проклятье – пойдти-распознай, кто достоин разделить с тобой это счастье. Нда...

В углу монитора замигал значок-оповещение: пришло почтовое сообщение. Саша навела курсор на конверт, и уже через пару секунд глаза ее засветились такой радостью, что преобразилось все лицо. Возможно, она об этом даже не догадывалась, но тот свет, который излучали небесно-голубые глаза, делал ее сейчас особенной.

«Как прошел вчерашний вечер?» – интересовался босс. Боже, разве это не подтверждение ее догадки? Стал бы он писать ей, если бы не имел планов на ее счет! Разумеется, ему интересно, как она отреагировала на его подарок.

Это он послал цветы, однозначно, и то, что конверт был идентичным предыдущим, указывает на то, что и письма и букет пришли от одного человека, и им оказался Граф! Боже, какая радость. Чего она столько времени дрожала и накручивала себя, когда все оказалось не страшным, а очень даже романтичным.

«Было здорово», – написала Саша, намекая на чувства, которые испытала после получения его подарка.

Нет, вчера, разумеется, она чувствовала страх и растерянность, а радость пришла только несколько минут назад, но это не вина Роберта. Хотя... Хотя, почему он не открылся ей раньше? Почему четыре месяца сохранял инкогнито, доводя ее до икоты всякий раз, когда она обнаруживала таинственный бордовый конверт? Проверял, изучал, присматривался?

И что теперь? Означает ли тот факт, что Граф практически открылся ей, что он уже определился с выбором?

Ох, Сашка-Сашенька, куда ты гонишь лошадей? Мало тебе Пашки...

Он тоже был хорош и обворожителен. Пел красивые песни, дарил цветы, читал стихи и был весь мармеладно-шоколадный, политый малиновым сиропом и обсыпанный марципанами, а потом сообщил, что она должна кое-что для него сделать. Ничего особенного, сущий пустячок, для нее не составит труда: надо просто переспать с одним человеком, чтобы Пашку оставили в живых.

В тот момент, услышав подобное предложение от возлюбленного, Саша почувствовала себя как человек, получивший удар под дых, когда из легких улетучивается весь воздух и невозможно сделать полноценный вздох. Не было мыслей о подлости, предательстве и гадости происходящего. Просто нечем стало дышать, и заняло сердце.

Так и открылось, что Паша болен – он игрок, потерявший все: работу, дом, машину. Долгое время ему удавалось скрывать это от Саши, и она пребывала в счастливом неведении, с кем встречается и на кого строит планы на будущую жизнь.

Откровение, что сама она вдруг стала предметом на кону, вызвало у Саши истерику. На какой-то миг Пашке показалось, что он умрет раньше, чем его заимодавцы доберутся до него – от руки своей возлюбленной. На тот момент уже бывшей возлюбленной.

В те дни Саша много размышляла о том, правильно ли поступила, оттолкнув его. Она любила его и была счастлива. Ни разу, никогда Паша не обидел ее ни словом, ни действием. Он всегда был внимателен, предупредителен и бесконечно ласков с ней. Так не ее ли поступок можно было назвать предательством, когда он так нуждался в помощи? Друзья давно отказались от него, родители были далеко, они жили в области и еле сводили концы с концами, ничего не зная о его проблемах, и кто как не Саша должен был помочь ему, поддержав в сложный период жизни?

Разумеется, она могла бы пойти на жертвы и собрать нужную сумму для откупа, а потом отправиться с ним к врачам, психотерапевтам и другим специалистам, которые лечат зависимость, если бы не одно «но». Паша не просил у нее денег, он признался в своей болезни лишь для того, чтобы потребовать оплаты своего проигрыша. Ему нужно было только ее тело, чтобы положить его на игорный стол перед человеком, которому в очередной раз проиграл. Проиграл совесть, порядочность и здравый смысл. А теперь еще и чужую жизнь.

Он решил закрыться ею, спрятаться от опасности за ее спиной, веря, что для Саши действительно «не составит особого труда переспать с этим человеком». «Он красивый, обеспеченный, у него власть и сила, – уговаривал он ее тогда, когда еще не понимал, что с ней сотворил. Он еще не видел паники, зарождающейся в ее широко раскрытых глазах, она лишь открыла рот, пытаясь судорожно втянуть воздух. – Может даже, он тебя наградит. Говорят, он щедр со своими женщинами. Он точно тебя не обидит, он мировой мужик». Пашка расхаживал по комнате, нервно жестикулируя. Он уговаривал, рисовал прекрасное будущее и завлекал блестящими перспективами, полагая, что исход беседы мог зависеть от степени его красноречия.

Лишь когда ему в голову угодила попавшаяся под руку книга, он удосужился взглянуть на свою подругу. Саша рыдала. Беззвучно, без слез, лишь дикий ужас отражался на перекошенном лице. Ужас от того, что он с ней сделал. Вот и открылось, как на самом деле он к ней относился, и это откровение ее сломило. Было больно от того, что все ее надежды, вера и ожидание счастья оказались лишь горсткой пыли...

– Обед! – объявила Марина, застав ее врасплох. Когда она успела незаметно подкрасться к Сашиному столу?

Девчонки уже одевались, готовые выпорхнуть в общий коридор.

Саша встрепенулась и рассеянно обвела глазами кабинет, прежде чем сфокусировать взгляд на начальнице. Глаза же той были устремлены на монитор ее компьютера, прямо на раскрытое письмо от босса.

– Что это значит? – спросила Марина тихим голосом, на ее спокойном красивом лице не отражалось никаких чувств.

– Еще не знаю, но надеюсь – что-то очень хорошее, – ответила Саша.

Ее сердце дрогнуло от вида окаменевшей женщины, но она не обязана перед ней отчитываться. В конце концов, босс сам решил ей написать, и по собственной инициативе прислал цветы, и Марины это не касается, каким бы хорошим человеком она ни была.

– И давно это у вас? – спросила женщина, по-прежнему, без эмоций.

– Девчонки, ну вас долго ждать? – позвала от двери Люда. – Мы голодные.

– Да, идите, мы вас догоним, – отпустила их Марина, даже не обернувшись.

Люда поймала Сашин взгляд и, что-то прочитав в нем, решительно направилась к выходу.

– Ответь, Саша, давно ты общаешься с Графом? – Марина положила руку на спинку ее кресла.

– По почте – со вчерашнего дня, а письма он шлет мне уже четыре месяца.

– Какие письма?

– Ну письма, в конвертах, я нахожу их в почтовом ящике у себя дома.

Саша не понимала, почему все это говорила сейчас, но скрывать что-либо от Марины ей казалось не порядочно. Если у нее что-то намечается с боссом, к которому Марина не равнодушна, то та имеет право об этом знать.

– Что, серьезно? Зачем ему это?

– Не знаю, наверное, так интересней, он же романтик.

– Он серьезный занятой человек, бизнесмен с определенным складом ума... – начала Марина, но Саша ее перебила.

– Можешь мне не говорить это, – произнесла она, покачиваясь в кресле, демонстративно смахнув тем самым руку начальницы. – Он может иметь какой угодно склад ума, но если ему захотелось писать мне письма, он не обязан спрашивать твое мнение на этот счет с целью произвести оценку логичности и целесообразности такого поведения. Твои умения и талант экономиста не распространяются на его личную жизнь, и решения, касающиеся всего, кроме его бизнеса, лежат вне твоей компетенции и власти.

– Ты бросаешь мне вызов, девочка? – Марина чуть заметно повысила тон, но Саша уловила это. Любая бы в их отделе заметила подобное.

– При чем тут я? Возможно, это Граф бросает тебе вызов.

– Может быть виной тому твоя особая манера держаться?

– Ты хочешь назвать мое поведение недостойным?

– А тебе можно писать письма, лишь воодушевившись твоим недостойным поведением?

– Не лови меня на слове, просто я прекрасно понимаю, к чему ты клонишь. Но от того, что ты дискредитируешь меня в своих собственных глазах, вряд ли что-то поменяется в реальности. Если Граф желает кому-то писать – он будет продолжать это делать. И если ему хочется послать кому-то шикарный букет цветов – никто не может запретить ему это.

Марина посмотрела на нее потемневшими глазами.

– Так он прислал тебе цветы? Когда?

– Вчера. Отсюда и его вопрос, что я испытала при этом.

– И как далеко ты готова зайти во флирте с ним?

– Это не флирт, и я не знаю, не думаю, что следует строить прогнозы и что-то планировать прямо сейчас. Все только начинается, и не стоит спешить.

– Четыре месяца – и все еще не стоит спешить?

– Марина, я тут ни при чем, – вздохнула Саша.

Она знала, как и все, насколько Марина очарована своим боссом. Возможно, она как раз из тех двух из десяти, кто испытывает к красивому видному мужчине настоящие чувства, хотя... кто знает, чужая жизнь – потемки. Ее бывший муж оставил ей кучу долгов, и финансовое решение своих проблем при помощи Графа было бы очень кстати. Кто тут разберет, у кого чувства настоящие, а у кого наигранные. Саша и в себе еще не разобралась, что говорить о других.

– Собирайся на обед, не хочу, чтобы ты пожаловалась Графу, будто я отнимаю твое личное время, – Марина направилась к шкафу. Высокая, прямая, ледяная.

Многие мужчины в их фирме испытывали священный страх и благоговение перед ней, но она оставалась безразличной к знакам внимания со стороны, храня свои чувства и эмоции для одного, кому они были не нужны.

– Вряд ли он сунется в твою епархию, – проговорила Саша, не сводя с нее глаз.

Марина обернулась.

– Как знать, может, в скором времени он сочтет, что ты более достойна занять место руководителя этого отдела.

Саша хотела ответить что-то резкое и обидное, чтобы показать, как оскорбили ее эти слова, но сдержалась. Она не поддастся на провокацию и не будет ни в чем оправдываться.

– Не знаю, ему виднее. Я не в курсе этих вопросов, у нас есть, что обсуждать помимо кадровых перестановок, – проговорила она, поднимаясь, и с независимым видом прошествовала к шкафу мимо опешившей начальницы.

Марина проводила ее тяжелым взглядом, но Саша осталась недосыгаема для такого психологического давления, закрывшись от ментального натиска радостью, которую испытала в тот момент, когда поняла, что именно Граф – тот таинственный почитатель, который забрасывает ее записками и дарит цветы.

Может быть, ей все равно, насколько он красив и богат, и для нее в этой истории главное только то, что нет никакого опасного и жестокого преследователя, кто мог бы и хотел причинить ей вред. Все-таки хочется жить и дышать полной грудью, не опасаясь за свою жизнь.

* * *

Телефонный звонок застал Сашу в троллейбусе по дороге домой. С кровожадной улыбкой она приняла вызов.

– Мне звонит счастливая обладательница очередного трофея? Насколько кровопролитной была война за его получение? Сколько поверженных конкуренток осталось бездыханно лежать на поле боя? И сколько весит золотая диадема на твоей хорошенькой головке? – промурлыкала она насмешливо, не давая подруге и рта раскрыть.

– Сашка, замолчи ты уже, наконец! – взревела рассвирепевшим хищником Иза. – Грешно смеяться над чужими промахами.

– Что ты имеешь в виду под словом «промах»? Твой отказ помочь подруге? Пренебрежение многолетней дружбой? Или соблюдение своих эгоистичных интересов?

– Сашка! Заткнешься ты или нет?

– А что, если нет? – Саша поправила рюкзак, съехавший с плеча, и покосилась на молоденького парнишку, не сводящего с нее глаз. – Между прочим, я вчера пожертвовала своим личным счастьем ради Полинки, а ты нет. Так что вот.

– Вот я и звоню узнать, в чем там у вас дело.

– У нас, Иза, у нас в чем дело, потому что дело – швах, и это касается всех нас.

– Стой, а я-то в чем виновата?

– Пока не знаю, и не в этом дело, но помощь твоя пригодится.

– Ну давай, выкладывай, – подруга приготовилась слушать.

– Эй, постой. Ты-то едешь в своей машине, в наушнике, в расслабленной позе, наверняка только что сточила какую-нибудь вкусную булочку, а я голодная, трясусь в общественном транспорте, где никто не уступит место бедной усталой девушке, и ты хочешь, чтобы я, стоя посреди этого столпотворения, начала говорить о деликатных вещах?

Иза помолчала, анализируя полученную информацию. Она умела отделять зерна от плевел.

– Насколько деликатных?

– На столько, что дело пахнет разводом.
– Сережка изменяет Полинке, – тут же выдала результат Иза.
– Приятно иметь дело с умными людьми.
– И в чем проблема? Пусть гонит этого мерзавца. Она, кстати, знает об этом?
– Да в том-то и дело, что нет. И я понятия не имею, как ей об этом сообщить.
– Просто сказать, и все.
– Только вчера она говорила мне, насколько влюблена и счастлива, а уже завтра мы разобьем это счастье...

– Во-первых, не мы, а он, этот кабелина, – решительно перебила Иза рефлексирующую подругу. – И потом, ты же не думаешь, что стоит оставить все, как есть?

– А может, поговорить с Сережкой?

– Ты чего, мать?

– Ну, припугнуть его, что нам известно о его похождениях, и заставить все прекратиться.

Как думаешь?

– А кстати, откуда нам это известно?

– Я подслушала разговор.

– Его? С любовницей?

– Нет, его... подружек, ну ты понимаешь?

– Они говорили о нем?

– Ну да.

– А ты не ошиблась? Может, они рассказывали о похождениях какого-то другого Сергея Медведева.

– Нет, они указали на его жену и сказали, что ее муж классно, ну в общем, ну сама понимаешь, не маленькая, – замялась Саша.

– Ладно. Первое: ты услышала разговор... Слушай, стой, где ты? Давай я тебя подберу и мы поговорим нормально, хорошо? Все-таки это не телефонный разговор. Ты где сейчас едешь?

Саша глянула в окно.

– Проезжаю Политех.

– Отлично, там и выходи. Я минут через двадцать тебя подберу.

– Чего? Через двадцать? И что мне делать на остановке вечером двадцать минут? Иза, ты прикалываешься?

– Нет, я мчусь к Политеху на всех порах, – Иза была невозмутима. – А впрочем, переседь там на трамвай и дуй в сторону центра.

– Ну вообще красота! И чего мы там забыли?

– Кое-кого забыли, – напустила туману девушка. – Саша, я буду тебе очень признательна, если ты переседешь сейчас на третий трамвай и доедешь до Ратушной площади. Я могу на тебя рассчитывать?

– Конечно, и это после того, как я обрисовала тебе проблему Полинки, практически трагедию. Ты выслушала и решила провернуть какое-то свое дельце. Отлично, я рада за тебя – ты нигде не пропадешь.

– Мы провернем два дельца, – спокойно ответила Иза, – Полинкино и мое. Обсудим одно, и сделаем другое.

– Ладно, езжай к Ратуши, я скоро буду, – буркнула Саша и отключилась. Надо было еще пробраться к выходу, не потеряв ни оной пуговицы на новеньком черном пальто.

ГЛАВА 7

Саша рассчитывала запрыгнуть к Изе в машину, расслабиться и согреться – этот промозглый ветер уже достал ее до костей, заставив продрогнуть. Увидев в начале площади красный Пежо, она довольно активно зашагала навстречу, но ее ждало разочарование. Как только машина поравнялась с Сашей, энергично дожевывавшей сладкий пирожок, купленный на остановке, Иза выпорхнула из авто и, картинно протянув руку, щелкнула сигнализацией. Вид у нее был такой, будто она орудовала волшебной палочкой, творя новую вселенную, не меньше.

– Э... а мы разве не поедим на твоей славной машинке? – в ярком свете фонарей Саша выглядела прехорошенькой, а смесь недоумения и еще не исчезнувшей до конца надежды делала ее лицо по-детски забавным.

– Нет, дорогая, мы отправимся на прогулку, – Иза уверенно подхватила подругу под локоток и повела в сторону набережной.

– Но... я весь день сегодня только и делала что гуляла по лабиринтам расчетов и кулуарам таблиц. Убегалась – сил нет.

– Тебе нужен свежий воздух, – Иза и не думала выпускать ее из цепких рук. – Весь день сидишь, уткнувшись в свой компьютер, света божьего не видишь. Я оказываю тебе услугу, дорогая.

– А! Так я тебе еще и спасибо должна сказать за то, что ты вытащила меня из теплого троллейбуса, заставила тащиться в противоположном от дома направлении, чтобы составить тебе компанию на прогулке по вечернему городу. А то тебе больше не с кем месить эту слякоть под ногами! – возмутилась Саша, мгновенно проглотив последний кусок пирога и закашлявшись.

– Не с кем, – тихо произнесла Иза, глядя в сторону.

Саша внимательно посмотрела на ее профиль. Красивая, ухоженная, блестящая, сейчас она казалась расстроенной или, скорее, озадаченной, и Саше на какое-то мгновение захотелось ее пожалеть и выразить свое сочувствие, но вовремя вспомнив, что эта девушка не сдается просто так, промолчала. Если Иза чего-то не имеет сейчас, то обязательно получит это позже, каким бы не был изначальный расклад. Всегда происходит так, как хочется ей, других вариантов быть не может.

– Вот и мне не с кем, – вместо этого сказала Саша, сама удивившись своему признанию. Как это так? Ей только вчера прислали цветы, и не просто букет, а роскошный, волшебно-прекрасный букет шикарных роз, и очень достойный человек пытается за ней ухаживать, а она идет тут и прибедряется.

– Вот и давай проведем это время с удовольствием, – откликнулась Иза.

Они свернули с шумной площади в узкий проулок. Впереди виднелась река, черные воды которой отражали сотни ярких огней фонарей, выстроившихся ровными рядами вдоль высоких берегов.

Набережная считалась элитным районом и дома, расположенные на ней, могли себе позволить только довольно обеспеченные люди. Небольшие трехэтажные особняки прятались за ажурными чугунными оградами, летом утопая в зелени акаций и рябин. Подъездные дорожки блестели в свете городской иллюминации.

– Иза, ладно я одна, но ты... Я полагала, что накануне у тебя все прошло идеально.

– Не совсем, – брюнетка поправила копну черных волос и насмешливо оскалила зубки, пряча досаду за блеском улыбки. Она нервно поглядывала в сторону особняков, мимо которых они прогуливались сейчас неспешным шагом.

– Мы кого-то ищем? – высказала свое предположение Саша. Иза казалась напряженной и взволнованной, но отчаянно скрывала это.

– Нет, что ты, вовсе нет.

– Расскажи мне про свое свидание, – попросила Саша.

– Это не свидание, просто я встретила кое-кого.

– Ого! И бой пойдет в несколько ходов, да? Ничего, тебе не привыкать, и так даже интересней, правда?

– Можешь помолчать? – Иза дернула ее за руку, продолжая путь.

– Могу. Тогда ты сама расскажи.

– Он шикарный мужчина.

– Так, хорошо, других и не держим, это понятно. Дальше.

– Все.

– Как все? А дальше-то что?

– А дальше он... он не оценил моего интереса.

– Ах даже так! Ну, он скорее просто недооценил тебя.

– Возможно, я на это и надеюсь.

– Так за чем же дело стало?

– За малым – охмурить его, окрутить и заполучить в подарочной упаковке, – Иза насмешливо ей улыбнулась. Становилось понятно, что это не так-то просто, или даже вообще невыполнимо. Саша уловила грусть в ее глазах и какое-то волнение.

– А он тебя видел вообще, или ты к нему не подходила даже?

– Видел, я даже пыталась напроситься проводить меня, но этот гад предложил вызвать мне такси, даже в свой джип не позвал, – брюнетка прикусила губку, как делала всегда, когда злилась.

– Вот блин. А ты что?

– А я гордо указала ему на свой автомобиль, и он просто проводил меня к нему.

– Ну ничего, он еще не знает, с кем имеет дело, – Саша считала своим долгом поддержать подругу, что бы на самом деле сама ни думала об этой ситуации.

– А то, он еще ответит за такое свое поведение, – Иза снова произвольно повернула голову в сторону особняков.

– Ты кого-то ждешь, – Саша была почти уверена в этом. Не спроста Изка притащила ее сюда. Больно надо прогуливаться здесь в восьмом часу вечера, когда завтра снова на работу, а ноги уже отваливаются. А, точно, она здесь ищет того парня, который имел глупость не поддаться Изкиному очарованию. – Ладно, ты можешь и дальше использовать меня вслепую и по-черному, – проговорила она, в этом месте проигнорировав возглас возмущения, наигранный и неискренний, – но прошу тебя, давай перейдем к насущной проблеме. С Полинкой надо что-то делать.

– Да, как раз это я и хотела тебе предложить. Как ты узнала про эту страшную тайну?

– Подслушала разговор, – Саша печально вздохнула. – Речь шла о муже Полины, я это точно знаю, и эти, с позволения сказать, девицы указали на нее и посмеялись над ней, до небес превознося сексуальный талант ее мужа. Ясно же что речь шла о Сережке.

– И что? В чем проблема-то? – Иза недоуменно пожала плечами.

– Если мы скажем: «Полина, твой муж изменяет тебе со всеми подряд по десять раз на дню», думаю, это ее убьет.

– Это не убьет, разве что разочарует.

– Ну ты что, не знаешь Полинку? Для нее Медведев – ее «все», как Пушкин для России. И убийство ее идеала может повлечь за собой такие последствия... страшно даже представить.

– Она нормальная девчонка, поймет, переживет, а мы будем рядом.

– А я вот думаю, может, ей не стоит об этом узнавать? – Саша обернулась к Изе, вышагивая задом наперед. – А? Может, похороним эту тайну, чтобы не ранить ее?

– Что? Оставить все как есть? Закрывать глаза на это безобразие?

– Да нет, не то чтобы закрыть... просто ей не открывать, а с Сережкой провести воспитательную беседу. Мол, не исправишься – тогда все откроем твоей жене.

– Так он тебя и послушает. Он и так нас с трудом терпит, а после такого еще и грязью обольет, и Полька поверит ему в случае чего, а мы без фотографий ничего доказать не сможем.

– Но нам ведь и не нужно ничего доказывать, верно? Нам просто надо что-то сделать, чтобы он перестал так поступать и Полинке не было больно.

– Ну уж нет, так не бывает. Или – или. Или он прекращает, и тогда действительно можно будет все замять, или пусть все тайное станет явным. А как иначе?

– Вот и не знаю...

Девушки молча шагали по малоллюдному тротуару. Саша поглядывала на игру огней в отражении легких ленивых волн, Иза не сводила взгляда с особняков по левую руку.

К воротам одного из них подъехал черный джип, из него вышли двое мужчин, и машина уехала. Один из оставшихся был худощав и высок и держался прямо, с той грацией животного, которое обладает и силой и уверенностью, необходимыми для того, чтобы быть первым. Он неспешно огляделся и неожиданно наткнулся на взгляд Изы. Брюнетка дернулась, мгновенно отвернувшись, но при этом приосанилась, выпрямила спину, расправила плечи и высоко подняла голову.

С легкой улыбкой мужчина следил за ней, пока не перевел взгляд на ее спутницу, невысокую худенькую блондинку.

Его лицо вмиг изменилось, насмешка исчезла из ярких глаз, и он неотступно смотрел вслед девушке, пока обе шагали по блестящему от недавнего дождя тротуару.

Иза этого не заметила, довольная, что смогла снова привлечь внимание мужчины, которому досрочно отдала пальму первенства и звание Самого Главного.

– Ненавижу его, – ворчала между тем Саша, расстроенная подлым и гадким поведением мужа подруги. – Всю жизнь ей испоганил, даже если она этого и не знает. Она строила свой красивый мир три года. Целых три года, Изка, стараясь, прежде всего, для него. И до этого, он ведь год за ней ухаживал. Все так красиво было, романтично, помнишь, как мы ей завидовали? – Саша глянула на подругу. Та лишь приподняла брови, соорудив насмешливую гримаску. – Ну ладно, я, я завидовала, потому что все было красиво, чисто, искренне, настоящему.

– А вот теперь и не узнаешь, насколько искренне все было, – перебила ее брюнетка. – Может, он такой всегда был.

– Да, теперь не узнаешь.

– Ведь с чего-то он начал ей изменять, а? Может, не такой уж и идеальный мир создала Полинка? – произнесла Иза крамольную фразу.

– Ну уж нет, тут я с тобой согласиться не могу. Есть такие мужики, их как не обихаживай, что для них ни делай, они все равно, как свинья, грязь найдут, потому что по сути такие, натура у них свиньячья. А ты Полинку знаешь – она на любые жертвы готова пойти ради любви.

– А нужны ли ему были эти жертвы? Может, ему наплевать на ее борщи с пампушками и пирожочки с капустой, – проговорила раздраженно Иза. – Может, ему плевать на полированную мебель, на наведенный блеск и брюки с идеальными стрелками. Может, ему надо было заваливать ее по пять раз в день, где попало, где поймают, а она против была, а?

– Но они же не животные, – Саша почувствовала, что краснеет. Говорить об этом, тем более, обсуждая подругу, ей казалось не совсем приличным.

– Что я слышу! Саша! – Иза насмешливо повернулась к подруге. – Ты пуританка? Скажи еще, что секс вообще не нужен.

– Ну, не совсем, конечно...

– И сколько же раз в день прилично им заниматься? – Иза наступала на нее, не сводя с нее взгляда.

– Что ты ко мне пристала!

– А что ты вообще знаешь о сексе?

– Слушай, мы говорили о нашей подруге, а ты...

– Мы говорили о том, что у Полинки проблемы с сексом.

– Ну прекрасно, вот до чего мы договорились. Откуда ты знаешь? Может, Сережка как раз из тех, кому все равно, насколько хороша его жена, ему все мало, сколько бы и каких у него не было! Причем тут тогда Полина?

– Да в том то и дело, что всему есть естественная причина. А ты знаешь, что часть моих мужиков мечтают о тихой семейной жизни, о том самом борще с пампушками, но при этом о сексе пять раз в день? А их добропорядочные женушки устанавливают свои табу, а потом с распухшими от слез носами вызванивают их по ночам, чтобы узнать, почему это они не едут домой ночевать? А что им там делать? Газету читать? Хоккей по телевизору смотреть? Пирожками обжираться?

– Нет конечно, разумеется, спариваться, спариваться и снова спариваться, – Саша не заметила, как сама повысила голос. – Изка, ты чего меня завела и сама распалилась? Нам некогда ссориться.

– Да уж. Я считаю, что Полинке пора разводиться.

– Что?

– Знаешь, это как с хищниками, – Иза, уверенная, что мужчина по-прежнему следит за ней, даже если самого его не было видно, вышагивала грациозно и изящно. – Если выращенный в неволе тигр или лев однажды задерет человека, его придется убить, потому что раз почуяв вкус крови и мяса, он уже не остановится никогда. Так и Сережка. Встав на эту тропу, он не вернется снова в тихий уютный мирок Полины.

– Блиин. И что же делать?

– Мое мнение по этому вопросу ты знаешь, хоть и не хочешь его признавать, – Иза раздраженно пожала плечами.

– Значит, расстрел без надежды на изменение?

– Мне нравится, что даже в такой ситуации тебе не отказывает твое странное чувство юмора.

Иза крутанула головой, и густые черные волосы взметнулись вверх, чтобы картинно опуститься на точеные плечи. Она была хороша, красива и элегантна, и даже подумать не могла, что мужчина, лишивший ее покоя, не отрывал сейчас взгляда от Саши. Прищурившись, он следил за поворотом ее головы, за взмахом рук, за улыбкой, когда та оборачивалась к своей подруге. Он рассматривал ее лицо, пытаясь угадать эмоции, которые читал на нем, и это зрелище настолько его заворожило, что он вздрогнул, когда девушки остановились и развернулись, намереваясь отправиться в обратный путь.

Пользуясь темнотой, скрываясь за деревьями, он направился обратно к воротам своего особняка, сопровождаемый личным телохранителем, следующим за ним молчаливой тенью.

– В общем так, говорим ей все как есть и...

– Постой, Иза, пожалуйста, дай мне хотя бы еще пару дней, а? – взмолилась Саша, испугавшись, что с той станет завалиться прямо сейчас домой к их подруге.

– Зачем тебе пара дней? Думаешь, что-то изменится? А ты не боишься, что наш дружок может ее заразить чем-нибудь, ведя такую беспорядочную жизнь?

Сашу передернуло от такого цинизма, но Иза знала эту жизнь лучше, чем она, с этим не поспоришь.

– Мне нужно время, чтобы прийти в себя, собраться с мыслями, и тогда мы скажем все как есть.

– Ты просто считаешь, что подкараулив Медведева на улице, сможешь образумить его, но нет, я тебя разочарую – в его случае поможет только расстрел. Помнишь – лев? Только расстрел.

Саша вздохнула.

– Пару дней, – упрямо молила она.

– Да и черт с тобой, но потом не обвиняй меня в попустительстве, – Иза прибавила шагу. Она увидела, кого хотела, и засветилась сама, чем осталась очень довольна, теперь пора и по домам. По поводу Полины она особо не переживала – такое случается сплошь и рядом, не Польша первая, и не она последняя. – Чего ты плетешься? Ночь на дворе, домой пора, мне еще тебя отвозить, а ты тут звезды разглядываешь, – проворчала она.

– Можно подумать, я живу в непролазной глуши.

– Из твоего двора сложно выехать, и потом приходится кружить по району, чтобы выбраться на приличную дорогу.

– Ах ну прости, выброси тогда меня у магазина и езжай себе спокойно с легкой совестью восвояси.

– А это мысль, спасибо за предложение.

Девушки прибавили шагу, спеша на площадь.

– А этот твой мужчина, ну, самый лучший, он действительно лучший? – осторожно спросила Саша.

– Действительно, можешь не сомневаться, тебе известен мой вкус.

– Что ж, удачи ему.

– А мне? Мне не хочешь пожелать удачи и попутного ветра?

– Тебе? Зачем? У тебя и так все будет хорошо.

– Да, когда он наденет мне на безымянный палец правой руки колечко, у меня действительно все будет хорошо.

– Ого! Даже так?

– А ты что, не поняла, о чем я тебе весь вечер говорила? Я нашла ЕГО, понимаешь?

– Ну теперь-то понимаю, конечно, чего ж тут не понять.

Обе даже не догадывались, насколько ошибались сейчас и на счет Изинового возможного замужества, и на счет мудрости Полины при открытии уродливой тайны.

ГЛАВА 8

Саша понимала, что рано или поздно ей пришлось бы поплатиться за свою дерзость – никто не может так вести себя с начальством и при этом выйти сухим из воды, тем более, если в деле замешан мужчина. Ох уж эти мужчины. И ох уж эта женская ревность: разве честно использовать свое служебное положение, чтобы наказать более удачливую соперницу? Это не профессионально.

Воровато оглянувшись по сторонам, Саша сощурила глаза, подавляя улыбку. Надо же, это она-то соперница, да еще и удачливая? Боже, что происходит? И неужели на самом деле что-то происходит?

Впервые с момента расставания с Пашкой Саше захотелось снова пережить это чувство влюбленности, когда кажется – разведи руки в стороны, раскинь как крылья, и ты взлетишь. Или вылетишь. Из фирмы, прямо с десятого этажа: работа не ждет, однако, и Марина еще не остыла. Со вздохом девушка подвинула к себе пухлые папки – месячную наработку своих коллег.

Сводить отчеты в единую систему и заносить это «счастье» в программу ненавидели в их отделе все, и в этот раз именно Саша удостоилась подобной сомнительной чести. Только Марина понимала, за что, другие же девушки бросали на нее сочувственные взгляды, в душе радуясь, что в этом месяце сия радость их миновала. В прошлый раз этим занималась Лиля за свои систематические опоздания, в позапрошлом – Люда, за то, что выпросила себе отпуск во время цейтнота, чтобы слетать со своим красавцем-мужем в Грецию, в этот раз не повезло Саше.

Маленький конвертик замигал в правом нижнем углу экрана. С замирающим сердцем, словно раскрывала подарочную обертку, Саша навела курсор на значок. Шеф решил завязать с ней каждодневную переписку? Что ж, она не против, но вот расплачиваться за это нудной работой хотелось не очень.

«Как дела?» О чем он на самом деле ее спрашивает? Ему интересно, чем она сейчас занимается? Что кроме как «Работаю» она может ему ответить? Он же работодатель, и все его подчиненные по умолчанию трудятся в поте лица, не покладая рук в течении восьми рабочих часов каждый божий будний день. А если он интересуется вообще, так сказать, как дела в ее личной жизни, что она чувствует и чего ожидает от их отношений... Блин, ну какие отношения? С того вечера, когда она получила его букет, Граф не предпринял никаких шагов к их сближению. Разумеется, Саша понимает, что прошло еще слишком мало времени, но он вроде как собирался повторно пригласить ее в ресторан.

– Саша, отчет нужен мне к четырем часам, – голос Марины, спокойный и бесстрастный, вывел девушку из задумчивости. Вздрогнув, Саша выпрямилась в кресле, схватила ручку и тут же отбросила ее, придвинула к себе клавиатуру, затем отодвинула, раскрыла первую попавшуюся под руку папку, и исписанные листки осенними листьями разлетелись по столу, часть из них плавно опустилась на пол.

Начальница никак не прокомментировала неуклюжесть своей подчиненной, лишь поджала губы и отвернулась.

Надо к четырем, значит, будет к четырем. С Мариной шутки плохи, и если кто-то не способен правильно понимать поставленные ею задачи – дни его в этой компании сочтены. Вздохнув, Саша углубилась в работу, даже забыв ответить на письмо босса.

Тем не менее, время от времени она набирала один телефонный номер, правда безрезультатно – абонент весь день был недоступен. Интересно, где Полинка? С утра не отвечает на звонки. Дает ли это Саше право загнуть тренировку? Впрочем, не хорошо использовать чей-то разряженный телефон в своих корыстных целях. Обещала заниматься – значит

должна продолжить это дело. Так, хотя бы, она проследит за тем, чтобы симпатяшка Ян не предпринял никаких активных действий в отношении ее наивной и романтической подруги. Полинка совсем не знает жизни, витает в облаках и верит всем и всему. У нее все хорошие, а если и делают подлости, то только потому, что несчастны, им больно и они страдают, и именно их боль толкает их на такие поступки.

* * *

К школе она подошла вовремя, как того потребовала Миссис Пунктуальность, но подруги во дворе не оказалось. В полутемном фойе так же было пусто, одинокая лампочка над столом охранника освещала его сгорбленную над книгой фигуру. Может быть, Полька убежала в раздевалку, желая занять хорошие места? Эх, не поверила Сашиному обещанию следить за временем. Что ж, последуем за ней.

Звонить ей еще раз было бессмысленно, за весь день Полина ни разу не включила свой телефон.

В раздевалке былолюдно, словно все стоворились одновременно прийти пораньше, и Саша опять с трудом нашла себе свободное местечко, пробираясь через толпу разряженных девиц и женщин. Легкое жужжание наполняло небольшое помещение, тусклый свет лампочки освещал женские прелести, опять удушливо пахло смесью разнообразных парфюмированных ароматов.

– ... вот, а она такая невинная овечка, крутит задом, как будто он сам у нее крутится, а она тут и ни при чем.

Саша повернула голову на голос. Рядом с ней высокая рыжая девица разговаривала с короткостриженной брюнеткой-эмо с гвоздиком в ноздре. Та с замершей на губах насмешливой улыбкой кивала в такт словам, розовая прядь ее длинной челки попадала прямо в глаз, и казалось странным, что девушка ни разу не моргнула, словно волосы совершенно ей не мешали. При этом взгляд неформальной девицы был довольно ехидным.

Саша передернула плечами – ей очень не нравилось попадать под прицел такого взгляда. Сразу появлялось ощущение, что с ней что-то не так, но вместо того, чтобы тактично об этом предупредить, ее обычно окатывали презрением. Еще ни к месту вспомнились девицы из магазина. Такие же циничные и наглые.

Это ненормально, если свою значимость можно почувствовать, лишь унизив других, но такое происходит сплошь и рядом. Все так живут и, наверное, Саша просто наивная девочка, застрявшая в подростковом возрасте в пору возвышенных идеалов и высоких моральных принципов.

Мамин сожитель Макс многое сделал для того, чтобы пошатнуть ее веру в прекрасное, и Пашка пытался добить, но слава богу, что мужчинам это оказалось не под силу. Не дай бог, наступит такой момент, когда Саша перестанет верить в...

– ... а Ян-то что?

Эмо было интересно узнать подробности какой-то пикантной истории и, не стесняясь, вместе с рыжей они обсуждали сейчас других людей, нисколько не заботясь о том, что могут быть услышаны.

– А Ян и ведется. Она всегда рядом, всегда перед ним, ему и смотреть-то больше некуда, только она и маячит перед носом, – рыжая натягивала черную найковскую футболку на тощее тельце. Ее прямые до плеч волосы свисали отдельными сосульками. Нездоровая кожа была замаскирована тональным кремом, но при близком рассмотрении этот трюк становился заметен.

– Да я смотрю, здесь много чего есть, – брюнетка насмешливо обвела глазами присутствующих. – Он здесь как в малиннике. Какие только тела не попадают, выбирай – не хочу.

– Нет, мне разумеется, все равно, – рыжая приложила ладонь к впалой груди, – Янчик мне и по возрасту не подходит, и вообще, но скажу тебе честно, – она доверительно наклонилась к «розовой челке», – не она здесь королева красоты.

– Ну, она может быть, любит молоденьких ребяток.

– А кто их не любит. Он вообще конфетка, сама увидишь, – глаза рыжей заблестели.

– А где эта деваха, еще не подошла?

Обе подняли головы и снова оглядели раздевалку.

– Не-а, еще не пришла. Вот смеху-то будет, когда она заявится, а все хорошие места заняты. Вот пусть на галерке и выплясывает.

Саша с тяжелым вздохом принялась переодеваться. Что же это за явление такое – женская зависть? Рыжая же сама сказала – ей все равно, он ей не подходит. Почему же тогда она получает удовольствие от унижения другого человека? Ладно, не хватало еще Сашке голову ломать над этим. Это всего лишь мусор, и не стоит ей свои уши превращать в мусорную корзину.

Ей всегда было любопытно, что заставляет таких людей думать, что они лучше других, что ими движет? Тщательно скрываемые комплексы, или чрезмерная самоуверенность, и в таком случае, что помогает ей разрастаться до таких невообразимых размеров? Вот бы и Сашке нарастить себе немножко такого самомнения. Ей бы не помешало, а впрочем, все это такая ерунда.

А она ведь поняла, о ком велась речь. Вот они завидуют человеку, молодой женщине, тому, что кто-то ею любит, и даже не подозревают, насколько той сейчас плохо, в какой сложной она ситуации, и что с ней случится, узнай она правду о самом близком человеке. Неужели найдутся те, кто позлорадствует на ее счет? А Саша знала – найдутся.

К началу занятий Полина так и не появилась, и Саше ничего не оставалось, как самоотверженно направиться в зал, решив, что раз обещала подруге, она пройдет этот путь до конца.

Рыжей не удалось занять место поближе к тренеру и пришлось довольствоваться третьим рядом, вертясь где-то у стены – слишком много времени потратила она на сплетни, и вся VIP-зона была занята и без Полины. Ян лишь раз взглянул на нее, когда она пискнула, неудачно наклонившись и потянув спину, но не подошел. Пришлось эмо с проколотым носом разгибать свою подругу.

Сегодня было намного хуже: болело все, еще с прошлого занятия, а отсутствие Полинки буквально вгоняло в уныние, да и Ян был какой-то не улыбочивый.

Саша кое-как отзанималась в последних рядах, и когда собиралась покинуть зал, еще более уставшая, чем в первое свое посещение, Ян приблизился к ней.

– Привет, – улыбнулся он, скорее из вежливости, чем от хорошего настроения.

– Привет. Я сегодня старалась.

– Я видел, ты молодец. А... – он потер висок, отвернулся на секунду, и снова посмотрел на Сашу, смущенно улыбувшись, будто испытывал неловкость. – А что с Полиной? Почему она не пришла сегодня? У нее все в порядке?

– Очень надеюсь, что да, просто я не знаю, где она. Ее телефон весь день молчит, и мобильный, и домашний.

Саша разглядывала парня. Смуглый, чернобровый и кареглазый, высокий и мускулистый, он производил приятное впечатление, а улыбка делала его настолько юным, что Саша в свою первую встречу с ним приняла его за совсем молоденького паренька.

– Вот как, – проговорил он и весь его облик стал каким-то потерянным.

– Да ты не волнуйся, на следующее занятие она придет как штык и будет как огурчик. Я проконтролирую.

– Ну... хорошо, да, ладно, – он неуверенно сделал шаг в сторону, намереваясь уже уйти, когда снова обернулся. – Завтра суббота, и мы собирались в парк, – проговорил он так, будто назначал Полине свидание.

– Отлично, я передам ей, где и во сколько, – Саша дружелюбно ему улыбнулась. Теперь она не сомневалась, что Ян запал на Миссис Примерную Домохозяйку. Неужели современным мальчикам так не везет с девочками своего возраста? Вот же он бедняжка. Хотя, если Полине суждено расстаться с Сережкой...

– Так ты сегодня заменяешь эту, с косой? – уже одетая, рыжая стояла у дверей, когда Саша столкнулась с ней нос к носу, влетев в раздевалку. Короткая кожная куртка брусничного цвета очень не шла к цвету ее волос, и Саша поморщилась от обилия безвкусицы, бьющего в глаза. – Теперь в твои обязанности входит флиртовать с этим мальчиком?

Сначала Саша нахмурилась, подбирая слова для достойного ответа, и даже рассердилась, но вдруг черты ее лица разгладились, и подняв ясные глаза на девушку, она улыбнулась ей.

– Пошла на х@й! – произнесла она торжественно, впервые в жизни послав человека. Сегодня она нарушила все мыслимые каноны поведения, и под молчаливые взгляды присутствующих, оказавшихся свидетелями произошедшего, проследовала к своей скамейке.

Оскорбленной девице понадобилась минута, чтобы прийти в себя. Только после того как к ней подросла ее розововолосая приятельница, она, набрав полную грудь воздуха, разразилась громкой тирадой, умело чередуя нецензурную брань с великим русским языком, но Саша уже выпустила пар, выразила свое отношение к этому вопросу и не собиралась реагировать на помехи извне. Все крики и оскорбления в ее адрес типа «самая умная что ли» и «какая ты нахр@н девушка» сменяясь нелестными эпитетами по поводу ее нестандартной физиологии, летели, не задевая ее, так муха бьется о лобовое стекло КамАЗа. Смешно, если муха полагала, что сможет навредить водителю.

Школу в этот вечер Саша покидала с чувством глубокого удовлетворения и улыбкой на губах. Она молча прошла мимо орущей девицы, которая не желала униматься, и вышла, закрыв за собой дверь. Она услышала, как в раздевалке повисла тишина – рыжая не могла поверить, что с ней обошлись так нагло. Тем, кто не умеет уважать других, порой трудно смириться с подобным отношением к собственной персоне, но Саше было глубоко наплевать на ее чувства, она торопилась к Полине. Следовало узнать, где же весь день пропадала эта неугомонная девчонка.

Когда она достала мобильный телефон, удивление застыло в ее глазах и она замерла на месте. Восемнадцать пропущенных звонков, и все от Изы. Набрал ее, Саша услышала встревоженный голос подруги, что случилось настолько редко, что Саша не могла припомнить ни одного случая. Чем дольше она слушала Изу, тем мрачнее становилось ее лицо, так что к моменту, когда рыжая и ее подруга эмо поравнялись с ней, нагнав ее на крыльце, она бросилась со всех ног прочь со школьного двора. Ей вслед летели обвинения в трусости, но Саше было не до того.

Она неслась, не разбирая дороги, по лужам и грязи, вперед, на остановку, но как бы быстра она ни была, водитель троллейбуса успел-таки закрыть двери прямо перед ее носом. Любят они такое проделывать, Саша не раз испытывала на себе их дурной характер, но сейчас ей было не до гордости, и какое-то время она бежала за троллейбусом и колотила в дверь кулаком, но это не помогло, и замерев в десяти метрах от остановки, она провожала растерянным взглядом транспорт, тяжело дыша и сжимая кулаки.

– Гад! – всхлипнула она, чувствуя зарождающуюся истерику.

К личной обиде сейчас примешивался страх за Полинку. Не может быть, ну не может быть, что она порезала вены. Что произошло, если самый жизнерадостный и светлый человек решил на такое? Из-за чего можно потерять желание жить? Неужели Иза все ей рас-

сказала, не потрудившись смягчить удар? Но как, как его смягчить, и что бы могла сделать сама Саша, чтобы это было не слишком больно? Прибавлять к прилагательным уменьшительно-ласкательные суффиксы?

Черт, что делать? В кошельке одна сотка, на такси до госпиталя точно не хватит, а следующий троллейбус подойдет только минут через двадцать. Может, дойти пешком до следующей остановки? Все равно внутри все бурлит и не дает стоять на месте.

Поправив рюкзак, Саша глубоко вздохнула. Во-первых, надо успокоиться, а во-вторых...

Составить план последовательных действий ей помешал джип. Неожиданно рядом с ней притормозил черный лендровер, темное стекло со стороны пассажира опустилось, и Саша увидела сероглазого незнакомца, устремившего сосредоточенный взгляд прямо на нее. Мужчина средних лет внимательно ее рассматривал, не спеша заговаривать, а она стояла, не в силах пошевелиться.

Ситуация для Саши была не типичная – обычно такие машины даже не притормажили перед ней, не говоря уже о том, чтобы кто-то стал терять время на разглядывание ее неброской красоты.

– Думаете, стоит ли продолжать гонку за тем троллейбусом? – спросил мужчина серьезно.

Саша видела – он не шутил.

– У вас есть предложение получше? – проговорила она хрипло, нервно облизав губы. Появившиеся от его взгляда мурашки щекотали кожу под одеждой. Она оглянулась на остановку – несколько одиноких фигур возле киоска с сигаретами, пара разговаривающих по телефону – в их сторону никто не смотрел.

– Ну, судя по тому, как вы спешили и как пытались попасть внутрь отъехавшего электротранспорта, вам куда-то очень сильно надо, – мужчина поднес к окну руку с сигарой и сбросил пепел на асфальт. Саша проводила взглядом едва заметные искорки, мгновенно превращающиеся в микроскопические пылинки пепла.

– Не то слово, – призналась она. Ей хотелось спросить его, зачем он начал этот разговор и чего от нее хочет, но она не посмела. Такого человека не всякий решится перебить, можно лишь покорно отвечать на его вопросы.

Саша всегда испытывала робость перед подобным типом мужчин, и необъяснимое благоговение, граничащее со священным страхом. Властные и уверенные, они не представляли опасности для таких, как она. Они просто не замечали подобных ей существ, как никто из нас не задумывается о существовании простейших микроорганизмов, и не их вина, если они каким-то образом причинят ей вред – они просто ее не заметили, а она некстати подвернулась под руку, помешалась под ногами, оказалась не в том месте. Вред от таких людей в своей жизни Саша могла бы объяснить лишь случайностью. Она никогда не сможет стать мишенью и виновницей их недовольства – слишком проста для них, слишком безлика и примитивна. Вот Иза – та как раз по их части, практически спец, а Саше захотелось убежать уже прямо сейчас, нырнуть в облетевший кустарник, насаженный вдоль дороги, но что-то удерживало ее на месте.

Возможно, ее предложат подвезти. Это казалось невероятным, но для чего-то же эта машина остановилась рядом с ней! Разве что, захотели спросить дорогу, впрочем, это также маловероятно.

Таинственный шатен положил конец Сашиным мучениям, прервав ее мыслительный процесс в попытке найти логическое объяснение такому феномену.

– Могу я предложить свою помощь? Куда вас отвезти? – проговорил он неспешно глубоким голосом.

Саша понимала одно – ее только что умело загипнотизировали. Она не хотела садиться в машину, но не смогла бы отказать этому мужчине. Его голос завораживал и окутывал странной пеленой, вгоняя в оцепенение, хотелось слушать этого человека бесконечно и столько же смотреть в его глаза. Настолько же сильно, насколько внутренне она рвалась исчезнуть отсюда.

– Мне нужно в центральный госпиталь, – проговорила она. Так крысы послушно идут на звук дудочки коварного и безжалостного крысолова.

Почему ее так смущает этот взгляд? На какой-то миг Саше показалось, что она уже где-то видела этого человека, хотя его лицо ей точно было незнакомо. Такого просто не могло быть, как не могло быть и того, что она увидела: мужчина вышел из машины и раскрыл перед ней заднюю дверь. Нет, точно, Изка увидела бы – хлопнулась бы в обморок.

«Полина, я делаю это только ради тебя». Тряхнув головой, Саша поспешно забралась в теплый салон, пропахший дорогим табаком и терпким лосьоном.

Мужчина вернулся на свое место, отдал короткую команду водителю, и машина плавно тронулась с места.

ГЛАВА 9

– Куда ты пропала? У меня телефон раскалился, столько раз я тебя набирала, – прошипела Иза, пока они стремительно неслись по светлому широкому коридору главного городского госпиталя на третий этаж. Накинутые на плечи халаты надулись как паруса бригаантины в ветреный день, на ногах шуршали бахилы, брюнетка выглядела уставшей и осунувшейся, на бледном лице ярко блестели глаза, красную помаду она давно стерла.

– Я была на тренировке. Полина, между прочим, меня туда записала, я исполняла ее завет, – не оборачиваясь, бросила Саша на ходу. – А телефон твой наверняка раскалился не от набора цифр – тебе всего-то на одну кнопку нажать – а от твоей нецензурной брани в мой адрес. Буквально покраснел от стыда за свою хозяйку. И странно, как я не умерла от икоты за все это время.

– Да ладно, не кипятись. Я вовсе не ругала тебя, разве что совсем чуть-чуть.

– Я не знала, что произошло. Даже не почувствовала. Даже мысли такой не приходило в голову, – Саша смотрела прямо перед собой, укоряя себя за бесчувствие. Неужели у нее совершенно не развита интуиция?

– Я понимаю. Хорошо, что ты пришла, – в успокаивающем жесте Иза положила хрупкую руку ей на плечо.

– Боже мой, чем хорошо-то, что я могу сделать для Полинки сейчас? – Саша скуксилась, словно желала расплакаться, но в следующую секунду передумала, прогоняя навстречу на глаза слезы, черты ее лица тут же разгладились, и их накрыла печать растерянности.

– Для меня хорошо, – совсем тихо проговорила Иза. – Знаешь, как мне тут страшно было?

– Представляю.

На подходе к палате девушки резко сбавили скорость – им навстречу поднялся высокий молодой человек. Не смотря на трагичность ситуации и его непритворное беспокойство он, тем не менее, выглядел отлично, впрочем, как всегда. Безупречный костюм, свежая рубашка, стройный и подтянутый – этот брюнет никогда не мог остаться незамеченным.

Сергей был бледен, в его глазах застыла растерянность, он не знал что делать и как реагировать на произошедшее.

– Привет, – кивнул он прибывшей девушке. На Изу он старался не смотреть, видимо, они уже успели поцапаться. Как всегда.

Сейчас Саша по-новому взглянула на этого человека. Безукоризненный овал лица, нежно очерченный подбородок с ямочкой, чувственные губы, прищур черных глаз – все в порядке. Такие мужчины нравятся девушкам и дело, наверное, даже не в его внешности. Саша смотрела в его глаза и пыталась представить его... представить его в пикантный момент... Да, такой может быть страстным и пылким, неудержимым и неистовым. «Плохой красивый мальчик». Черт, о чем она думает. Скотина – он и есть скотина.

– Привет, – буркнула она, и Иза тут же потащила ее в палату.

– А ты, Медведь, посиди тут, – бросила она парню, который намеревался вслед за ними войти в дверь.

Молодой человек не стал спорить, послушно присев на больничную банкетку, оперся локтями в колени и опустил голову.

В палате было тихо, прикрытое жалюзи окно не пропускало света, горел только ночник в изголовье кровати, тихо попискивали медицинские приборы, снимающие жизненные показатели.

Саша в волнении приблизилась к кровати. Бледная девушка лежала с руками поверх одеяла. На забинтованные кисти было страшно смотреть, под закрытыми глазами залегли лиловые тени, губы казались синими, и от былой красоты не осталось и следа. Изможденная, осунувшаяся девушка, забывшая вдруг причину для того, чтобы жить, и не справившаяся со своим отчаянием.

– Она спит?

– Да, врачи сказали, проспит до утра.

– Мы можем для нее что-то сделать? – Саша не отводила глаз от подруги и сердце ее сжималось о жалости и страха за нее.

– Да, каждый час надо делать инъекцию. Вот ты останься и займись этим.

– Что? – Саша резко обернулась, Иза смерила ее почти злым взглядом.

– А что? Зачем тогда задаешь глупые вопросы? Мы ничем не можем ей помочь, но зато мы можем здесь поговорить, – она направилась в угол палаты, взяла стул и притащила его к кровати. – Садись.

– А ты?

– А я на краешек кровати присяду, – и первая подала пример.

– Это из-за ее мужа?

Иза кивнула, поджав губы, ее лицо выражало крайнюю степень презрения и недовольства.

– Этот гад во всем виноват, – проговорила она.

– Как она узнала? Ты ей рассказала?

Иза отрицательно покачала головой.

– Что? Но как? А кто тогда?

Брюнетка полезла в свою сумочку и достала несколько фотографий, снятых на «пала-роид».

– Вот, – швырнула ей на колени, словно желала поскорее от них избавиться, как от чего-то грязного и противного. – Смотри. Это Полинка нашла в почтовом ящике сегодня утром.

Саша осторожно взяла фотографии и поднесла к лицу. Глаза ее расширились, и в немом ужасе она перевела взгляд на подругу.

– Кто это сделал?

– Думаю, кто-то из его шалав. Какая-то с@ка решила избавиться от жены, или же просто нагадила, потому что натура такая.

Саша пересмотрела снимки, меняя один за другим, всего пять штук. На всех запечатлен Сергей Медведев во всей своей природной красе во время полового акта и на каждом снимке с новой девушкой. Сомнений быть не могло – это действительно был муж Полины, и он действительно занимался любовью, а ничем иным. Его позы не оставляли места для восклицания: «Ты все не так поняла!». Все было как раз предельно ясно и однозначно, прозрачно и... вульгарно. Такие глаза – за это можно возненавидеть человека.

Саша понимала, что в пылу страсти человек меняется и выражение его лица бывает особенным, но столько пошлости и развращенности, столько цинизма и непристойности – это уж слишком.

Иза раскрыла свою сумочку и Саша зашвырнула туда снимки. Ей хотелось принять душ, будто она вывалилась в какой-то грязи, липкой и вонючей.

– Мы с тобой так ошибались, – Саша грустно улыбнулась.

– Ты о чем?

– «Развод, развод», а она – раз, и... сразу смерть.

– Да, Полинка оказалась слабее, чем я думала, – вздохнула Иза, поглядывая на подругу, застывшую на кровати.

– Тяжело осознать, что все, во что ты верила и что любила, оказалось просто куском грязи, – Саша взъерошила волосы. – Она уже вне опасности?

– Да, но сама знаешь, выпустят ее не сразу. Сначала психологи, психотерапевты, тренинги и реабилитация. Она еще пожалеет, что затеяла это.

– Только бы не пожалела, что не смогла доделать... – проговорила тихо Саша. – Кто ее нашел?

– Этот... козел вернулся домой раньше обычного – понадобился какой-то документ, а Полинка в ванной. Он так перетрусил, что сразу позвонил мне. Ну я и примчалась. Полинка в сознании была, она и прошептала мне про фотки, которые под подушкой спрятала. Он еще не знает, что она уже в курсе его приключений, я ему не рассказала. Приберегла козырь для подходящего случая, – в глазах брюнетки читался приговор обманщику и предателю, и месть будет страшной.

– Как?! Так он все еще недоумевает, почему она это сделала? По его мнению, у его жены не было причин для самоубийства! – вскричала Саша. – Бедняжка, ломает голову, наверное, что такого могло произойти.

– Давай ему скажем, что Полинку бросил ее тайный любовник, и не в силах пережить разлуку с ним, она это и сделала, – глаза Изы злорадно сверкнули.

– Ты что, он и так ее опорочил, надругался над ее телом и чувствами, а мы еще больше ее очерним. Нет, не надо.

– Тогда пора мальчику узнать правду.

– Эй, Изка, ты что делаешь? – Саша подскочила на месте и схватила подругу за руку. – Ты куда?

– Скажу Медведеву все. А лучше, покажу ему это, – и она снова полезла в сумку.

Достав фотки, избличающие молодого человека в неверности, она направилась к дверям, держа их перед собой так, будто несла использованный по назначению памперс. – Ты со мной?

Саша помотала головой.

– Нет, я пожалуй, это пропущу, – и она переставила стул поближе к подруге. – Я с Полинкой посижу.

Смотреть на лицо Сергея в тот момент, когда он увидит себя во всей красе без единого фигового листочка, ей не хотелось. Испытывать неловкость от чьего-то чувства стыда она не могла. Все-таки, это деликатное дело, хоть и дурно пахнущее, и пусть уж не будет свидетелей кроме его избличительницы.

Минут через двадцать, проведя их в тишине, не сводя глаз с лица Полины, Саша поднялась и тихо вышла из палаты.

Изу она нашла в конце коридора, та курила на лестничной площадке. Сергея нигде не было видно.

– А где...

– Муж? – услужливо подсказала Иза. Она выглядела гораздо энергичнее, чем в начале их встречи. Переживания наложили отпечаток на ее настроение, но беседа с Медведевым ее заметно оживила. – Ушел. Напиваться, наверное.

– В смысле? Ты рассказала ему все?

– Разумеется. Я начала издалека, мы поговорили об общей тенденции упадка морали в обществе в целом, перешли на примеры наших общих знакомых, прошлись резким словом по изменникам и подлецам, не умеющим хранить верность своим половинам, этот гад еще мне так энергично поддакивал, мол да, он согласен со мной, нет оправдания таким негодьям, и нет таких слов, которыми можно было бы выразить презрение к их поступкам. А потом я так осторожненько протянула ему фотки. Мол, не интересуетесь ли вы порно? Купила за углом, в киоске «Союзпечать». Этот гад, как только узнал себя, весь затрясся, – Иза довольно

хмыкнула. – Представляешь, этот дегенерат поверил, что я действительно приобрела их в розницу. Хотел бежать туда разбираться, тогда я и сообщила ему, что нашла их у Полины под подушкой. Ты бы видела его смазливую рожу, когда он понял, что его жена в курсе. Я думала, он упадет в обморок.

– Нда, не хотела бы я оказаться на его месте, – задумчиво кивнула Саша.

– Сашка, ты ненормальная? Что ты такое говоришь? Как ты можешь оказаться на его месте? Это нелепая фраза в данном контексте разговора.

– Ладно, не цепляйся к словам, – отмахнулась от нее Саша. – Что делать будем, когда Полинку выпишут?

– Вышвырнем эту шелупонь подзаборную, и заживем припеваючи, – беспечно отмахнулась Иза, выпуская облако сигаретного дыма.

– Вообще-то, это его квартира, – напомнила Саша.

– Она куплена в браке – это раз, он зараза и скотина – это два, из-за него чуть человек не погиб – это три, и в качестве откупного в попытке замолить свой грех он просто обязан отдать ее Полинке – это четыре. Я не я буду, если он посмеет трепыхнуться и поспорить с этим.

– Здорово ты все решила. Классно, только мы при этом не учли мнение самой Полины.

– А каким оно может быть?

– Не знаю, честно, но не удивлюсь, если она захочет его простить.

– Ты с ума сошла, что ли? – Иза возмущенно выпустила дым подруге в лицо.

– Я? Нет. Но мы не знаем, чего она хочет.

– Ну ты... ненормальная, – Иза возмущенно отвернулась.

Саша хотела что-то ответить на это, но на лестнице послышались шаги и девушки увидели Сергея. Он стремительно поднимался и, заметив подруг жены, на мгновение замер, будто запылся. Лицо его изменилось, став свирепым.

– Кто из вас послал ей эти фотографии? – он грозно направился к девушкам, и Иза оттеснив Сашу плечом, гордо вышла на первый план, расправив плечи. Она обожала момент, когда начинало пахнуть жареным.

– Я бы с удовольствием ответила тебе, но во-первых, меня на ваши вечеринки свечку и фотоаппарат держать не приглашали, а во-вторых, для того, чтобы дать тебе ответ, мне надо познакомиться со всеми твоими шмарами, которых ты... пользовал.

– Что ты несешь? – процедил молодой человек, сильно покраснев.

– Только то, что я не знаю, которая из них прислала эти снимки. Однозначно ясно только одно – она знала, что ты женат, и ей был известен ваш адрес. Полька нашла это произведение искусства в вашем почтовом ящике.

Сергей отвернулся, тихо зарывав.

– Я могла бы тебе посочувствовать, – продолжала Иза, – если бы ты был жертвой гнусных инсинуаций, но поскольку ты главное действующее лицо в этих порносценах, то, сам понимаешь... Аплодисменты восторженных зрителей, – и Иза издевательски захлопала в ладоши.

– Заткнись, – зло бросил ей Сергей. Он сунул руки в карманы, будто не был уверен, что не пустит их в ход, и тяжело дышал, пытаясь справиться с гневом.

– Я вижу только один выход из этой ситуации, – произнесла брюнетка, и глаза ее при этом коварно сверкнули, но Сергей этого не заметил.

– Какой? – при этих словах он вскинул голову.

– Мы находимся в больнице и, думаю, Полину примирит с твоей подлостью тот факт, если ты решишь оскотить себя в знак покаяния.

Какое-то время молодой человек смотрел на Изу, будто не осмыслив до конца сказанную ею фразу, но вот его глаза начали медленно наливаться кровью. Красотка играла с огнем, но даже и бровью не повела.

– Я могла бы настаивать на операции без наркоза и потребовать найти самые тупые ножницы, и даже не погнушалась бы и не побрезговала сама провести эту экзекуцию, но, Сашка – самый гуманный человек на свете, не считая твоей жены, и уверена – она мне это не позволит. Так что, так и быть, согласна на операцию по всем правилам.

– С@ка, – прошипел Сергей, сжимая кулаки.

– Это ты, Сереженька, с@ка. Даже не кабель, нет, а простая дворовая с@ка, у которой все время течка, и твоя истинная суть настолько явно раскрылась в этих фото, что я готова стоя аплодировать их автору – настолько точно передать характер и глубину чувств, подчеркнуть особенности души и показать изнанку сути – не каждый сможет подловить такой момент.

Изу было ничем не смутить. То ли она знала секретный прием, как заставить атаку врага захлебнуться в самом начале, то ли хранила в сумке баллончик с газом, то ли была уверена, что Медведев не перегнет палку, как бы ни пытался он сейчас напугать ее.

Саша стеклянными глазами смотрела в окно, не встречая в этот разговор, но Иза не позволила ей долго притворяться торшером.

– Саша, ты как? Защитишь этого... мачо? – Иза толкнула ее в бок острым локотком, причем довольно ощутимо.

Саша встрепенулась, перевела взгляд на Сергея и разлепила плотно сжатые губы.

– Сергей, вряд ли я когда-нибудь смогу простить тебе то, что ты сделал с Полиной, – проговорила на.

– Но я не думал, что она может сделать такое, – простонал молодой человек.

– Я не про это. Она осталась жива, слава богу, но ты все равно убил ее. И если она не воспрянет с новыми силами, если новая надежда не расцветет в ее сердце – то я за тупые ножницы.

– Во! Что я говорила! – воскликнула Иза, довольная, и снова толкнула Сашу в бок. – Как приятно порой ошибиться в своем близком друге, кровожадная ты моя! Добро пожаловать в наш клуб! – и она притянула девушку к себе, обхватив ее лицо. Саша недовольно покосилась на тлеющую в ее пальцах сигарету, но ничего не сказала, впрочем, Иза тут же и отпустила ее.

– Что мне делать? – Сергей обращался к Саше, поняв, что она здесь самая адекватная.

– Я не знаю, – честно ответила та, пожав плечами. – Единственно, чего я боюсь – это что Полина простит тебя. Да и фиг с ним, пускай прощает, лишь бы не позволила тебе остаться. Я голосую за развод.

– Ты не можешь давить на нее, – процедил Сергей, бледнея.

– А ты не можешь больше прикасаться к ней, – в тон ему ответила Саша.

– Кстати, – тут же встряла Иза, – ты периодически проверяешься на предмет половых болезней, а? Не дай бог ты ее чем-нибудь заразишь.

Прорывав какое-то страшное ругательство, Сергей сорвался с места и бросился вниз по лестнице.

– Пусть катится, – со злорадной улыбкой напутствовала его Иза. – Пусть катится к черту.

– Иза, давай узнаем, когда можно будет Польку навестить, и мне домой пора, – вздохнула Саша.

– Давай, пошли, я видела кабинет дежурного врача, там дальше по коридору, – и затушив в переполненной пепельнице окурков, Иза первой зашагала в нужном направлении. – Кстати, ты быстро добралась сюда.

– Да, на попутке, – бросила Саша сухо, но ее тон заставил Изу обернуться. Она окинула подругу внимательным взглядом.

– Мне кажется, это была интересная попутка, – произнесла она. Как всегда от ее пристального взгляда ничего не укрылось. – Так краснеть и бледнеть одновременно возможно только в том случае, если это была очень необычная попутка.

Это все из-за него, из-за Берга. Станный мужчина назвался не менее странным для Саши именем, кивнув почти равнодушно на ее ответное представление. Он не задавал ей никаких вопросов ни о работе, ни о месте жительства, ни о том, куда же она все-таки так спешит, зато мастерски выведал, какую музыку она слушает, какой цвет у нее любимый и что она предпочитает из сладкого. Саше пришлось также признаваться, какие фильмы могли бы показаться ей достойными того, чтобы сходить на премьеру, и в каком ресторане она мечтала бы отужинать.

Девушку удивляла его манера задавать вопросы, словно он ставил галочки напротив вопросов в каком-то своем вопроснике, но потом решила, что, возможно, у него хобби такое – составлять психологический портрет своего собеседника на основе полученных данных о его предпочтениях.

Сам же Берг как был таинственным лицом, так сохранил свое инкогнито до конца поездки. Саша не посмела его ни о чем спросить, да ей и не мог прийти в голову ни один вопрос, благо, неловкого молчания не было – Берг уверенно вел беседу, вернее, опрос.

Во дворе госпиталя он снова вышел из машины, открыл для Саши дверь и помог выбраться на асфальт, в темных лужах которого, как в зеркале, отражались маячковые проблески машин скорой помощи.

Смущенно поблагодарив своего невольного благодетеля, Саша решила глянуть ему в лицо, и с удивлением увидела улыбку. Мужчина смотрел прямо, не выпуская ладони из своих теплых рук, и казалось, хотел что-то сказать, но лишь дрогнули уголки его губ, и уже в следующее мгновение он выпустил Сашину руку.

– Удачи тебе, – произнес он ей вслед, когда Саша уже неслась по ступеням в раскрытые двери медицинского заведения.

Вот и все. Изе показалось этого мало. Она принялась выспрашивать у усталой подруги подробности о внешности Берга и манере держаться, о тембре голоса и цвете его глаз, но все закончилось тем, что Саша наградила дотошную любопытную брюнетку щипком и чуть ли не бегом направилась в гардероб.

Этот человек – как молния, которая вряд ли ударит дважды в одно и тоже место. И не дай бог Саше узнать, что остается после нее на месте пожара.

ГЛАВА 10

Иза высадила Сашу при въезде во двор и унеслась домой. Время было позднее, а ей еще возвращаться в центр.

Фонари, как обычно, не работали, но света, льющегося из окон, было достаточно, чтобы не спотыкаться в темноте, и девушка поспешила к своему подъезду.

Холод распугал всех подростков, и желающих потусоваться на свежем воздухе не оказалось – Саша шла в абсолютном одиночестве, но, приблизившись к дому Олега, поняла, что это не совсем так.

Непроизвольно подняв голову, она отыскала окна его квартиры. В зале горел свет, шторы были задернуты. Неожиданно послышалось легкое покашливание и, вздрогнув, Саша замерла на месте, метнув испуганный взгляд в направлении звука. Олег собственной персоной стоял перед ней, небрежно облокотившись на капот своего мерседеса, курил сигарету и внимательно разглядывал девушку.

Саша нервно поправила рюкзак, как делала всегда, когда не знала, что сказать и чем занять руки. Интересно, он понял, что она смотрела на его окна?

– Привет, – первым поздоровался мужчина.

Они знали друг друга только в лицо но, наверняка, он не раз слышал, как ее окликал Федор или подруги, так же как и она узнала его имя от женщин, которых он приводил к себе. Иногда их взгляды пересекались, и мужчина кивал ей.

– Привет, – торопливо ответила Саша.

И все, говорить им было не о чем. Просто соседи, равнодушно пробегающие мимо. Решив, что обмен любезностями закончен, Саша отвернулась, намеревалась пройти мимо. Интересно, он просто не выключил в комнате свет, или его там кто-то дожидается? Может, он выскочил за сигаретами, и теперь просто не хочет возвращаться? Ладно, ей-то какое дело, если он привез не ту женщину.

– Довольно поздно для одинокой прогулки, – проговорил вдруг Олег, и Саша, поравнявшись с ним, посмотрела прямо на него.

– Не думаю, что я лакомый кусочек для маньяка, – пожала она плечами и попыталась улыбнуться, но было сложно бороться с необъяснимым смущением, охватывающим ее всякий раз, как только она попадала в поле притяжения этого мужчины.

– Очень даже лакомый, – проговорил Олег, как показалось Саше, недовольно.

Интересно, о чем он думает? Для чего заговорил с ней, впервые за пять месяцев, что они встречаются в этом дворе? Раньше он едва удостоивал скромную соседку равнодушным взглядом.

В голове вдруг промелькнула шальная мысль, что автором таинственных писем мог бы оказаться и Олег, но Саша тут же отогнала этот бред. Такой мужчина никогда не посмотрит на нее так, как Олег смотрел на своих дам, но ей и не требуется подобное отношение – сомнительная честь стать безликой единицей статистики. Лучше уж пусть это будет Граф. Он, по крайней мере, более сдержан в своем поведении и не афиширует свою личную жизнь, лишая тем самым общественность повода для осуждения.

Не то чтобы Саша особо критиковала образ жизни своего загадочного и вечно недовольного соседа, но ей не хотелось быть той, на кого он обратил бы свое внимание только раз в жизни. А мысль, что она никогда не вызовет в его душе особого чувства, которое могло бы заставить этого мужчину поменять свое мировоззрение, немного царапала. Самую малость, так, не сильно, мигая тусклой лапочкой на периферии сознания.

Что ж, она была реалисткой – во всяком случае, старалась – и понимала, что влиять на мужчин – не ее удел. Еще некоторое время назад ей верилось, что она вполне хороший чело-

век, приятный внешне и обладающий вполне сносным характером, и этого может хватить, чтобы вызвать уважение, доверие, и даже, может быть, любовь. Но всего этого оказалось недостаточно, чтобы Пашка, прекрасный и лживый, захотел поменять свой образ жизни и встать на путь исправления, лишь бы быть с ней.

Нет, он пошел до конца и поставил ее жизнь на кон в тот момент, когда для него вообще не существовало ничего святого, и двигали им только азарт и желание отыграться.

В первые дни после разрыва было трудно поверить, что она чего-то стоит – настолько он обесценил ее, используя в своей грязной игре. Понадобилось время, чтобы забыть эту боль, но шрамы останутся навсегда.

Возможно, такт и деликатность босса помогут Саше воспрянуть духом, но не стоит загадывать далеко вперед – Граф, похоже, не собирается торопиться.

– Что ж, – улыбнулась Саша, – в любом случае, моему потенциальному маньяку сегодня не повезло: я слишком близко от подъезда, у него не окажется времени развернуться в полную силу, – и Саша решительно направилась прочь, ругая себя за непонятную робость, которая не отпускала ее все это время.

– Долго ли, умеючи, – донеслось ей в спину. Усмехнувшись на ворчание соседа, она лишь пожала плечами.

– И потом, здесь ты, – бросила она, обернувшись и пятясь к своему подъезду. – Вряд ли ему нужны свидетели.

Олег хотел что-то возразить на это, но его перебила телефонная трель. Саша стянула перчатку и достала из кармана пальто мобильник – звонила мама. Она жила в соседнем микрорайоне, но виделась с ней Саша крайне редко – было тяжело приходиться в родной дом, а мать не часто вспоминала о ней.

– Мама, у тебя все в порядке? – проговорила Саша мягко.

Она никогда не упрекала мать за выбор. Однозначно, молодая красивая женщина не должна оставаться одна, и ей проще игнорировать изъяны своего избранника, чем окунуться в холод одиночества. Со временем Саша простила мать за то, что самый близкий человек закрыл глаза на страшную правду, предпочтя обвинить свою единственную дочь во лжи в надежде, что все само собой разрешится. Все и разрешилось, но лишь потому, что Саша ушла из дома. Конфликт остался, но его участники покинули поле боя. Девушка до последнего надеялась, что ей не дадут уйти, но мать захлопнула за ней дверь и вздохнула с облегчением.

На протяжении последних лет мать изредка звонила, когда ей требовалась помощь, чаще медицинского характера, или же пыталась одолжить у нее денег, никогда не возвращая долг.

– Саша, Саша, – в трубке слышались всхлипывания. – Сашенька, девочка моя...

– Мама, что с тобой? Что-то случилось? – девушка остановилась посреди улицы, ожидая ответа. Она всегда боялась этих звонков. Как только видела имя абонента, высвечивающееся на экране телефона, сердце тоскливо сжималось в ожидании плохих новостей.

– Сашенька-а-а, – снова всхлипнула женщина.

– Мама, мне приехать? Не молчи, скажи мне. Я сейчас приеду, хочешь?

Олег обернулся на ее голос и прищурился.

Саша уже хотела нажать на отбой и нестись к ней домой, когда мать взяла себя в руки и попыталась говорить. Язык едва слушался, и слова получались смешными и коверканными, будто она говорила, набив рот орехами.

– Сашка, приходи-и-и, и принеси бодягу.

Девушка замерла. Ну точно, Макс опять избил ее, наверняка все лицо в синяках и гематомах. Скотина.

– Он дома?

– Нет, уехал бомбить, – слышался какой-то звук – мать прочистила нос. – Сашка, и это... водки купи.

– Ма...

Зная отношение дочери к этому вопросу, мать всегда сбрасывала звонок после озвученной просьбы.

– Какие-то проблемы? С матерью? – окликнул Олег.

Саша лишь угрюмо кивнула, резко отвернувшись от нежеланного свидетеля ее семейной драмы. Она стояла с опущенной головой, и было так сложно пошевелиться. Так хотелось, чтобы этого звонка не было. Опять проблемы, и все из-за Макса. Кто бы избавил их семью от этого негодяя.

– Где живет твоя мать? – Олег уже направлялся к ней быстрым шагом, на ходу делая последнюю затяжку.

– О, не беспокойся, тут недалеко, я пешком быстрее дойду, – Саша хотела улыбнуться, но у нее не получилось.

– Не говори глупостей, я доведу тебя, все равно свободен, – Олег поравнялся с ней, развернул ее за плечи и повел к машине. Она подчинилась – тратить последние силы на препирательства ей не хотелось.

Усадив ее в машину, Олег сел сам.

– Куда ехать? – он повернул ключ зажигания.

– В круглосуточный магазин, – произнесла девушка, глядя прямо перед собой.

– Это зачем же?

– За водкой.

– Так вот каким способом ты решаешь проблемы? – Олег осторожно выезжал со двора, внимательно глядя в зеркало заднего обзора.

– Ага, иначе бы не протянула до таких седин, – и сама скосила взгляд на светлую челку, падающую на глаза неровными прядями. – А еще нужна аптека, ночная, на Тверицкой улице. Заглянем туда?

– Ну вот, говорила, что не далеко, а самой половину района пришлось бы истоптать, – буркнул Олег, выруливая на шоссе.

Сердце девушки наполнилось горячей благодарностью, когда сосед предложил самолично приобрести алкоголь.

– Грешно посылать такую, как ты, в магазин, который после десяти-ноль-ноль оккупируют одни пьянчуги, – пояснил он.

Саша лишь кивнула и полезла в рюкзак за кошельком.

– Сиди, – тут же остановил ее Олег, – и никому не улыбайся.

Он решительно направился к широким стеклянным дверям, услужливо раскрывшимся перед ним. Предупреждение было актуальным и уместным: двор перед магазином заполняли сомнительного вида личности, но этот контингент заметно отличался от того, который обычно ошивался возле аптеки. Все-таки покупатели водки выглядели на порядок солиднее в сравнении с любителями боярышника и других «лечебных» бальзамов.

Вскоре мужчина вернулся с бутылкой, благоразумно спрятанной в бумажный пакет, и молча протянул Саше, усевшись на свое место. Девушка, не поднимая глаз, убрала ее в рюкзак и чуть слышно произнесла «спасибо», на что Олег лишь угрюмо хмыкнул. Попробовать снова достать деньги она не решилась. В аптеку «добрый самаритянин» также отправился самолично, и Саша проводила его невысокую крепкую фигуру благодарным взглядом: день бы насыщенным, мышцы после тренировки ныли, волнение из-за подруги, попавшей в больницу, не отпускало, да еще и беспокойство за мать усиливалось.

Помощь Олега оказалась очень кстати, как физическая, так и моральная. Ей еще предстояло остаться наедине с пьяной избитой женщиной, выслушивать ее жалобы и сдерживаться, чтобы не завести свою песню о выселении ее сожителя.

Причина такого участия Олега в ее делах была большой загадкой для Саши, но копаться сейчас в истоках и строить предположения на пустом месте было бессмысленно. Может быть, он обеспечивает себе алиби, чтобы оправдать долгое отсутствие перед очередной пассией, дожидаящейся его в уютной гостиной, а может... кто знает, почему он это делал. Назвав адрес своего детства, Саша прикрыла глаза, мечтая хоть на секунду отрешиться от своих забот.

Отрешилась она капитально, и пришла в себя только от сильного толчка – это Олег тряхнул ее за плечо.

– Да ты спишь на ходу, – он смотрел на нее, словно упрекал.

– Такое ощущение, что сейчас ты предложишь мне поехать обратно домой, – пробормотала Саша, отчаянно моргая. Ужасно хотелось потереть глаза, но нельзя – размажется тушь. Глянув в окно, она убедилась, что находится действительно в своем дворе.

– А ты поедешь?

– Нет конечно. Спасибо, что помог мне сегодня вечером. Ты мой спаситель, и хочется сказать, что я твоя должница, только... – Саша с сомнением глянула на мужчину, в его насмешливые глаза. – Только вряд ли ты применишь мою помощь.

– Вряд ли ты сможешь мне помочь, – проговорил вдруг мужчина, и не давая Саше времени на изумленный взгляд и тем более на формулировку вытекающего из этого заявления вопроса, заторопился. – Пошли, а то действительно уже поздно.

– Как пошли? Куда пошли?

– Туда, куда ты приехала – к матери.

– Но...

– Да не напрягайся ты так, я просто покурю на свежем воздухе, пока ты будешь выполнять свой дочерний долг.

Саша отстегнула ремень безопасности и вывалилась на улицу, разминая ослабевшие ноги. Холодный воздух приятно ожег лицо.

Двор был старательно освещен недавно отремонтированными фонарями, на пустынной в это время суток детской площадке стая уличных псов затеяла какую-то игру, слышался лай и скулеж. Олег успел уже прикурить сигарету, прикрывая ладонями пламя зажженной спички.

– Ты... докури, и езжай домой, – проговорила Саша, сделав шаг в сторону подъезда. – Я надолго. Сам понимаешь – ушибы, слезные разговоры, жалобы...

Олег лишь хмыкнул и отвернулся.

– Иди давай, – поторопил он ее.

Не говоря больше ни слова, Саша набрала код квартиры и трель домофона раздалась неожиданно громко, вызвав новый приступ собачьего лая на площадке.

Мать встретила ее именно в той кондиции и состоянии, которые Саша себе и представляла. Сердце словно ошпарило кипятком, но она не произнесла ни слова, плотно сжав зубы. Мать с жадностью поглядывала на рюкзак дочери, и девушка не стала ее томить, прямо в прихожей вручила бутылку, после чего женщина заметно оживилась, глаза алчно вспыхнули, и она направилась на кухню.

– Есть будешь? – крикнула оттуда, гремя посудой.

– Нет, спасибо, не хочется.

Мельком глянув в зеркало, Саша заметила тоскливый взгляд серых глаз. «Это моя жизнь, моя реальность», – промелькнуло в голове.

Ее мать не была алкоголичкой, и детство у Саши было вполне счастливым, но смерть отца наложила на женщину печать тоски и одиночества. Оставшись в тридцать лет без средств к существованию и мужской помощи и покровительства, она растерялась. Тогда двенадцатилетней Саше пришлось взять на себя часть домашних забот, потому что мать часто пребывала в депрессии, забывая приготовить обед, выстирать какие-то вещи или заплатить по счетам. Саша жалела свою мать, любила ее и понимала все, что с той происходило. Случались в жизни женщины и романы, но они не длились долго и были незначительными. Пока не появился Макс. Тогда-то жизнь двух почти подруг изменилась навсегда.

Что такого было в этом молодом человеке, Саша никогда не понимала. Высокий и худой, довольно смазливый, но со злыми глазами, он никогда ей не нравился. Он был младше матери на десять лет, и в свои семнадцать Саша понимала, что он не мог полюбить женщину бескорыстно и искренне. Как оказалось, подобные чувства были ему чужды.

Для матери же этот человек заменил весь мир, и его попытки соблазнить ее дочь она предпочла счесть за ложь дочери, завидующей ее счастью. Так через пару лет родная дочь вынуждена была искать защиты в доме своего дяди, а еще через год лишилась своего угла, когда мать приватизировала квартиру покойного мужа, оформив ее в равных долях на себя и сожителя.

– У меня нет ваты, – сообщила мать, как только увидела в руках у Саши заказанное средство от гематом и ушибов.

– Я купила, – тихо отозвалась Саша, заранее просчитав алгоритм поведения матери.

– Мне вообще уже хорошо, все нормально, Саш, – принялась уговаривать женщина, жадно поглядывая на наполненный до краев граненый стакан. Выпить до появления Саши в кухне она не успела, а при ней, почему-то, не решалась и, как всегда, злилась из-за этого.

– Пойду помою руки, – вздохнула девушка, прекрасно ее понимая.

На этот раз все прошло довольно быстро, и через полчаса Саша уже выходила на улицу, подняв воротник пальто. Она не боялась темноты, а после того, как по умолчанию провозгласила Графа автором посланий, вовсе перестала дрожать от каждого звука, уверившись, что никто за ней не следит и не интересуется ее скромной персоной со злым умыслом.

Но кое-кто все же интересовался. Олег дожидался ее, укрывшись от ночного холода в салоне своей машины. Он говорил по телефону, и его лицо было злым и мрачным. «Видимо, у этого человека какие-то проблемы», – подумалось Саше. Тем более было не понятно, от чего он решил ей помочь. Хотя, возможно, это просто способ отвлечься от своих забот.

Девушка только отметила, что Олег ни разу не подал ей руки, как делал для своих прекрасных дам, и она ни разу к нему не прикоснулась.

Он почувствовал ее появление и обернулся. Их взгляды встретились, и уже через секунду Олег нажал на отбой. Наклонившись через пассажирское сидение, открыл дверцу автомобиля, и Саша быстро залетела внутрь.

– Это было не обязательно, но ужасно приятно, – проговорила она, скрывая смущение за суетой, слишком энергично вытягивая ремень безопасности.

Мужчина ничего не ответил на это, заводя мотор.

«Что ж, одно радует, – думала Саша, вновь закрывая глаза, – завтра суббота и можно никуда не спешить». Она знала, что проспит до обеда, если только не забудет отключить телефон: Иза была любительницей ранних звонков по делу и без него.

Знала бы Саша, какую ловушку ей подготовила назавтра судьба, провалялась бы до вечера, не показывая и носа из квартиры, но на то она и судьба, что действует тайно и наносит удары неожиданно.

ГЛАВА 11

Весь вечер Саша просидела на диване, по обыкновению поджав ноги, и пребывала в большой задумчивости. Эта комната давно стала «её», Федор подарил ей эти стены и помог материально с внутренним оформлением, а Иза разработала дизайн.

Василькового цвета тюль без штор (кто может заглянуть в окно на девятом этаже?) в квадратном помещении бледно-голубого цвета, у окна длинный угловой стол с хорошим компьютером и удобное крутящееся кресло, в противоположном по диагонали углу диван, также угловой, с покрытием из синей жаккартовой ткани, однотонный, с мягкой высокой спинкой. По стене у двери комод, увенчанный внушительной стереосистемой.

Саша не любила наряжаться, и ее гардероб составляла пара джинсов черного и синего цвета, брюки и несколько блуз и пуловеров, вполне уместившихся в добротном комод. В шкафу в общем зале хранился строгий костюм и три платья, которые она надевала редко, предпочитая стиль унисекс.

И снова перед ней раскрытая коробка с бордовыми конвертами. Одинаковые с виду, с одной и той же надписью, они различались по содержанию. Сегодня коллекция пополнилась еще одним экземпляром.

«Ты так свежа, так чиста...» Саша перечитывала эти слова снова и снова и что-то ей не нравилось в этой фразе, что-то напрягало и царапало самомнение, но она никак не могла понять, что именно.

Свежа? Может быть. Двадцать шесть – с одной стороны это уже много, но с другой – вполне может подойти под определение, кому как. Но чиста... Это она-то?

Знал бы он, сколько раз ее пачкали взгляды Макса, валяя в грязи, топя в ней с головой, вгоняя в панику и доводя до истерики. После такого Саше всегда хотелось забраться в ванную и скрести себя жесткой мочалкой, чтобы смыть эту липкую гадкую мерзость и с кожи, и с души. Но память постоянно подбрасывала эти воспоминания – его грубые руки с жесткими пальцами, оставляющие синяки на ее чувствительной коже, горячее дыхание, обжигающее лицо, странные глаза, наполненные каким-то пугающим огнем, в которых читалось только одно желание – унижить, растоптать, сломать и надругаться.

Дни напролет после уроков Саша бродила по улицам, пока мать пропадала на работе. В шестнадцать лет уже стыдно жаловаться, и девушка долгое время молчала о том, что пытался сделать с ней Макс.

Осенью еще было ничего, а зимой ей пришлось трудно. Приходилось караулить прохожих и забегать вместе с ними в подъезды, чтобы дрожащими руками припасть к батарее и чувствовать, как ломота охватывает оттаивающие пальцы, просунутые между ребрами пыльного радиатора.

Тогда-то она и познакомилась с Изой. Саша блаженно улыбалась, закрыв глаза – несколько вечеров подряд она напряженно готовилась к срезовой работе по математике, и спать хотелось со страшной силой. В тепле ее разморило, и она задремала прямо в грязном подъезде, уже не замечая дурного запаха.

– Это что же такое должно сниться человеку, чтобы испытывать блаженство в таких условиях? – громко проговорила незнакомая брюнетка, остановившись напротив Саши. Она обвела грязный подъезд недовольным взглядом и сморщила носик.

Норковая шубка распахнута, на плече довольно дорогая сумка, необыкновенно красивая девушка будто сошла с обложки модного журнала. Саша залюбовалась ею, незнакомка же недоуменно рассматривала свою ровесницу, невысокую щупленькую блондинку с большими грустными глазами.

Та не торопилась с ответом. Сжавшись в комок и пряча руки в карманы, она стояла, готовая в любой момент выбежать из подъезда.

– Идем, – проговорила вдруг красавица, и решительно потащила Сашу к лифту. – Напою тебя чаем, что ли. Бомжуешь, значит?

– Вроде того, – прошептала Саша.

Красотка лишь громко вздохнула, закатив глаза.

Саша сразу же ей доверилась. Возможно, из благодарности за внимание, а может, просто нуждалась в живом человеке, который проявил бы к ней участие. В любом случае она ни разу не пожалела об этом.

Иза предлагала много планов по изведению потенциального насильника, один жестче другого, но Саша серьезно отметала все ее варианты. Она не жаждала крови, единственным ее желанием было все рассказать матери, но Иза скептически качала головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.